

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

№ 2 / 2022

ISSN 2070-2140

9 772070 214779 >

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

2022
№ 2

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-33090 от 11 сентября 2008 г.

Учрежден в 2004 г. Издается 6 раз в год

Учредитель: Издательская группа «ЮРИСТ» ISSN 2070-2140

Главный редактор журнала:
Могилевский Станислав Дмитриевич,
директор Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Заместитель главного редактора:
Лескова Юлия Геннадьевна,
заведующая кафедрой предпринимательского, трудового
и корпоративного права Института права и национальной
безопасности РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:
Арсланов К.М., д.ю.н., профессор;
Барков А.В., д.ю.н., профессор;
Батлер Уильям, д.ю.н., профессор;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Вайпан В.А., к.ю.н., доцент;
Витрянский В.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
Габов А.В., д.ю.н., заслуженный юрист РФ,
член-корреспондент РАН;
Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Городов О.А., д.ю.н., профессор;
Емелькина И.А., д.ю.н., доцент;
Ильина О.Ю., д.ю.н., профессор;
Камышанский В.П., д.ю.н., профессор;
Крашенинников П.В., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Михайлова И.А., д.ю.н., профессор;
Попондопуло В.Ф., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Романец Ю.В., д.ю.н.;
Рыженков А.Я., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки Республики Калмыкия;
Сергеев А.П., д.ю.н., профессор;
Ситдикова Л.Б., д.ю.н., профессор;
Суханов Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Цимерман Ю.С., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РСФСР;
Эккенга Йенс, д.ю.н., профессор;
Шапсугова М.Д., к.ю.н., доцент

Главный редактор ИГ «Юрист»:
Гриб В.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ,
член-корреспондент РАО;

Заместители главного редактора ИГ «Юрист»:
Бабкин А.И., **Белых В.С.**, **Платонова О.Ф.**, **Ренов Э.Н.**,
Трунцевский Ю.В.

Центр редакционной подписки:
Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Редакция: Курукина Е.И., Лаптева Е.А.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции/издателя:
115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08. E-mail: avtor@lawinfo.ru

Содержание

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- Харитонов Ю.С., Сунь Ци.** Цифровизация
общественных отношений и верховенство закона:
опыт переосмысления в России и Китае 3
- Минбалеев А.В.** Проблемы гражданско-правовой защиты
личных неимущественных прав в процессе цифрового
профилирования граждан 9
- Сушкова О.В.** Правовые средства оборота объектов,
созданных с использованием технологий искусственного
интеллекта 12

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА И КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Карцхия А.А.** Корпоративное управление в условиях
глобальных изменений климата 16
- Маврина Ю.Ф.** Неоплата доли в уставном капитале
общества с ограниченной ответственностью как основание
утраты статуса участника 21

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

- Чельшьева Н.Ю.** Проблема правовой неопределенности
в случаях применения реквизиции в целях ликвидации
очагов распространения инфекционных заболеваний 25
- Мотина Е.А.** Проблемы возмещения вреда
при возникновении поствакцинальных осложнений 28

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

- Фомина О.Н.** Правовая природа ответственности
информационного посредника 33
- Кадочников Е.В.** Преддоговорная ответственность через
призму преддоговорного отношения 37

АКТУАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

- Юзефович Ж.Ю., Руженцева М.С.** Право приоритета
товарного знака. Теория и практика 40

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (решение Президиума
Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 № 6/6)
(12.00.03; 12.00.07 — юридические науки)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
eLIBRARY.RU и в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Подписка по России:
Почта России. Электронный каталог — П1688.

Подписано в печать: 23.03.2022. Выход в свет: 31.03.2022.
Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. — 6,0. Усл. печ. л. — 6,0.
Общий тираж 3000 экз. Цена свободная

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел. (4842) 70-03-37

CIVIL LAW 2022 No. 2

FEDERAL SCIENCE-PRACTICE JOURNAL
Registered at the Federal Service for Supervision of Communications
and Mass Communications PI No. FC77-333090 September 11, 2008.

Founded in 2004. Published 6 times per year

Jurist Publishing Group ISSN 2070-2140

Editor in Chief:

Mogilevskij Stanislav Dmitrievich,
Director of the Institute of Law and National Security of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA), LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editor in Chief:

Leskova Yuliya Gennad'evna,
Head of the Department of Business, Labor and Corporate Law
of the Institute of Law and National Security, LL.D., Professor

Editorial Board:

Arslanov K.M., LL.D., Professor;
Barkov A.V., LL.D., Professor;
Butler W., LL.D., Professor;
Blinkov O.E., LL.D., Professor;
Vaypan V.A., PhD (Law), Associate Professor;
Vitryanskij V.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF;
Gabov A.V., LL.D., Honored Lawyer of the RF, Corresponding
Member of the Russian Academy of Science;
Gongalo B.M., LL.D., Professor;
Gorodov O.A., LL.D., Professor;
Emelkina I.A., LL.D., Associate Professor;
Il'ina O.Yu., LL.D., Professor;
Kamyshanskij V.P., LL.D., Professor;
Krashennnikov P.V., LL.D., Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation;
Mikhajlova I.A., LL.D., Professor;
Popondopulo V.F., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation;
Rabec A.M., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation;
Romanec Yu.V., LL.D.;
Ry'zhenkov A.Ya., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Republic of Kalmy'kia;
Sergeev A.P., LL.D., Professor;
Sitdikova L.B., LL.D., Professor;
Sukhanov E.A., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation;
Cimerman Yu.S., LL.D., Professor, Honored Lawyer
of the Russian Soviet Federal Socialist Republic;
Ekkenga J., LL.D., Professor;
Shapsugova M.D., PhD (Law), Associate Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor, Honored Lawyer of the Russian
Federation, Corresponding Member of the Russian Academy
of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., **Belykh V.S.**, **Platonova O.F.**, **Renov Eh.N.**,
Truncevskij Yu.V.

Editorial Subscription Centre: Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Editorial Office: Kurukina E.I., Lapteva E.A.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial office / publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel.: (495) 953-91-08. E-mail: avtor@lawinfo.ru

Contents

DIGITALIZATION AND CIVIL LAW: LEGAL REGULATION PROBLEMS

Yu.S. Kharitonova, Sun Qi. Digitalization
of Public Relations and Supremacy of Law: Reinterpretation
Experience in Russia and China..... 3

A.V. Minbaleev. Problems of the Civil Law Protection
of Personal Non-Property Rights in the Process
of the Digital Profiling of Citizens..... 9

O.V. Sushkova. Legal Means of Circulation of Objects Created
with the Use of Artificial Intelligence Technologies 12

RELEVANT PROBLEMS OF CORPORATE LAW AND CORPORATE MANAGEMENT

A.A. Kartskhiya. Corporate Management in Conditions
of Global Climate Changes 16

Yu.F. Mavrina. Non-Payment of a Share in the Authorized
Capital of a Limited Liability Company as a Ground
for Forfeiture of the Member Status 21

RELEVANT PROBLEMS OF CIVIL LAW IN CONDITIONS OF INFECTIOUS DISEASE DISTRIBUTION

N.Yu. Chelysheva. The Legal Uncertainty Problem
in Cases of Requisition Aimed at Liquidation of Infectious
Disease Distribution Hotspots..... 25

E.A. Motina. Damage Compensation Problems
in the Origination of Post-Vaccine Complications 28

CIVIL LIABILITY: PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE

O.N. Fomina. The Legal Nature of the Liability
of an Information Intermediary 33

E.V. Kadochnikov. Pre-Contractual Liability from
the Standpoint of a Pre-Contractual Relation 37

RELEVANT OPINION

Zh. Yu. Yuzefovich, M.S. Ruzhentseva. The Trademark
Priority Right. The Theory and Practice..... 40

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals,
where basic scientific results of doctoral and PhD theses shall be published
(decision of the Presidium of the Supreme Attestation Commission of the Ministry
of Education and Science of Russia of 19.02.2010 № 6/6) (12.00.03; 12.00.07 — law sciences)

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

eLIBRARY.RU, RSCI (Web of Science)

Subscription in Russia:

Post of Russia. Digital Catalogue – П1688.

Passed for printing: 23.03.2022. Issue is printed: 31.03.2022.
Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet – 6,0. Conventional printed sheet – 6,0.
General circulation 3000 copies. Free market price
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, Svetlaya St., Severnij Settlement, Kaluga, 248031. Tel. (4842) 70-03-37

Цифровизация общественных отношений и верховенство закона: опыт переосмысления в России и Китае*

Харитонов Юлиа Сергеевна,
профессор кафедры предпринимательского права
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
руководитель Научно-образовательного центра «Центр правовых исследований искусственного
интеллекта и цифровой экономики»,
доктор юридических наук, профессор
soviet2009@rambler.ru

Сунь Ци,
генеральный секретарь Регионального исследовательского центра экономической интеграции
и верховенства права Шанхайской академии общественных наук,
научный сотрудник, кандидат юридических наук
sunqidabao@163.com

Введение

Поиск путей развития права заставляет ученых и практиков в России обратить внимание на так называемые экспериментальные правовые режимы, стандарты, добросовестные практики и кодексы этики. Расширение сфер принятия такого рода правил в качестве базы регуляторной политики приводит к необходимости переосмысления принципа верховенства закона на современном этапе.

В Китае, одной из наиболее технологически развитых стран в мире, вопрос верховенства права и закона также активно обсуждается. Теория верховенства закона упорядочивает и классифицирует источники китайского права, среди которых кроме законов большое значение имеют подзаконные нормативные акты¹. Следует отметить, что изначально развитие права в Китае строилось на доктринальных разработках, массиве подзаконных актов, а позже и на практике выпуска совместных актов государственных и партийных органов². В последнее время, как отмечается в литературе³, в рамках объявленной в 2014 г. программы продвижения «правления государством на основе закона» в праве КНР отчетливо выявилась новая тенденция систематизации и возрастания роли законов⁴. Роль подзаконных актов и различного рода инструкций постепенно снижается, на их место приходят законодательные акты, в то же время разрозненные законы объединяются или даже кодифицируются, примером чему служит вступив-

ший в силу 1 января 2021 г. Гражданский кодекс КНР, объединивший несколько ранее действовавших законов.

Соотношение закона и иных социальных регуляторов в России и за рубежом на современном этапе

Согласно ст. 4 Основного закона Российской Федерации Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Отсюда, по мнению исследователей, вытекает «невозможность любых нормативных правовых актов иметь расхождения с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами»⁵. С.В. Поленина рассматривала принципы высшей юридической силы и прямого действия Конституции РФ и верховенства закона как близкие, указывая, что «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Для реализации принципа законности необходимо как соблюдение установленной процедуры принятия федеральных и региональных законов, так и обеспечение соответствия положений подзаконных нормативных правовых актов законам как актам, обладающим высшей юридической силой»⁶. Отличая принцип верховенства закона⁷ от доктрины верховенства права⁸,

¹ Ни Ф., Ли С. Ориентация и инновация: теория верховенства закона при социализме с китайской спецификой с точки зрения международного права // *Власть*. 2016. Т. 24. № 10. С. 171–177.

² *Правовые основы бизнеса в Китае* / Ш. Вэньхуа, А. Молотников, В. Чаоэнь и др.; отв. ред. А.Е. Молотников, В. Шань М., 2018.

³ Ван Ч. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае // *Lex Russica (Русский закон)*. 2020. № 3 (160). С. 135–139.

⁴ Сонин В.В. Правление государством на основе закона: истоки, содержание и перспективы китайского варианта правового государства // *Lex Russica (Русский закон)*. 2016. № 9 (118). С. 99–113.

* Исследование подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 21-511-93004 КАОН_а «The rule of law in the digital economy in China and Russia: current state, challenges and future development»).

⁵ Артамонов А.Н. Создание законов в субъектах Российской Федерации: монография. Ростов н/Д: РЮИ РПА Минюста России, 2011. 192 с.

⁶ Поленина С.В. Правотворческая политика // *Российская правовая политика: курс лекций* / С.Ф. Афанасьев, В.П. Беляев, Е.В. Вавилин и др.; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. С. 186.

⁷ Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.; *Правовое государство, личность, законность* / В.С. Нерсисянц, Г.В. Мальцев, Е.А. Лукашева и др. М.: НИИ правовой политики и проблем правоприменения, 1997. 138 с.

⁸ Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М.: Юрист, 2010. 392 с.

мы полагаем, что сегодня в условиях регуляторных экспериментов возникает трансформация принципа верховенства закона, когда законодатель допускает введение разного рода отклонений от законодательных установлений для решения определенных прикладных задач. То есть главенство закона в системе нормативно-правовых актов теснится актами меньшей юридической силы или стандартами и политиками частных компаний. Регулирование общественных отношений спускается на уровень частных лиц, устанавливающих общеобязательные правила поведения и обеспечивающихся мерами государственного принуждения.

Например, создаются регуляторные песочницы, которые получили распространение «для создания среды со специальным режимом регулирования, который позволяет работать игрокам, чья деятельность не совсем вписывается в существующее регулирование или не может действовать в условиях отсутствия определенных правовых норм»⁹. В России принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹⁰, который призван создать правовые условия для ускоренного появления и внедрения новых продуктов и услуг в сферах применения цифровых инноваций путем обеспечения гибкости механизму правового регулирования указанной сферы и закрепления механизма апробирования нового нормативного правового регулирования в рамках экспериментального правового режима с целью его оценки на предмет возможности имплементации в законодательство Российской Федерации¹¹. Исследователи объясняют необходимость введения регуляторных исключений в рамках экспериментов возможностью не распылять внимание законодательных и правоприменительных органов на «несложившиеся отношения»¹². Законодатель получает возможность проверить сложившиеся подходы до их имплементации в закон.

Исследуя влияние цифровых технологий на нормотворчество в международной сфере, М.В. Мажорина указывает на беспрецедентное разрастание неправовой материи, влекущей возникновение коллизии права и неправа (систем социальных, религиозных, культурных норм, обычаев и пр.)¹³. В настоящее время в России развитие законодательства в сфере цифровой экономики зачастую опирается на выработанные в отдельных группах правила, одобренные комьюнити. Примером может служить принятие крупнейшими технологическими компаниями России (Сбер, Яндекс, МТС, VK, «Газпром нефть» и др.) Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта¹⁴.

⁹ Маслов А. Недетская песочница. Как государство экспериментирует с правовым регулированием // Финансовая газета. 2020. № 17. С. 8–9.

¹⁰ СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

¹¹ Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 922869-7 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.03.2020). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922869-7>

¹² Дмитрик Н.А. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект // Закон. 2020. № 6. С. 64–72.

¹³ Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex Russica*. 2019. № 7. С. 93–107.

¹⁴ URL: <https://press.sber.ru/publications/sber-sovmestno-s-drugimi-tehnologicheskimi-kompaniyami-prinial-kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta>

В Китае принципы верховенства права и закона восходят к китайской традиционной правовой культуре¹⁵. Появление цифровой экономики не только усилило новый феномен монополии, но и, что более важно, оказало огромное влияние на традиционные промышленные предприятия. В целях удовлетворения потребностей онлайн-экономики и промышленного экономического развития Китай скорректировал традиционную правовую систему в области конкуренции и ввел правовые нормы для онлайн-конкуренции. Китай совершил скачкообразный переход от индустриальной экономики к сетевой экономике. Теперь, когда Китай вступил в эпоху цифровой экономики, способ конкуренции участников рынка претерпел кардинальные изменения. В прошлом конкуренция между компаниями была в основном конкуренцией за масштаб и конкуренцией за клиентов, но теперь конкуренция между компаниями — это цифровая конкуренция, или конкуренция за данные. Некоторые компании электронной коммерции используют базы данных, которыми они располагают, для вмешательства или предотвращения проникновения других компаний в определенные отрасли или осуществления предпринимательской деятельности. Еще есть также некоторые компании электронной коммерции, которые используют имеющиеся у них данные для постоянного нарушения законных прав и интересов потребителей. Из-за этого в традиционную китайскую систему надзора за рынком были добавлены соответствующие механизмы координации и через систему совместных совещаний на уровне министров соответствующим ведомств было разрешено координировать свои позиции, выявлять проблемы в виртуальном и реальном экономическом развитии Китая и своевременно решать проблемы недобросовестной конкуренции и монополии в рыночной конкуренции Китая с помощью механизмов обмена информацией.

В настоящее время китайские исследователи отмечают происходящую трансформацию концепции верховенства права в связи с применением новых цифровых технологий, например, в контексте использования «нового суверенитета» в юрисдикции сообщества блокчейн-сетей¹⁶ и других технологических решений.

В условиях цифровой экономики в регулировании общественных отношений, социального поведения частные субъекты играют сегодня всевозрастающую роль. Невозможно на законодательном уровне урегулировать все аспекты взаимодействия пользователя и платформы. Поэтому во многом формирование правил обращения с данными на уровне

¹⁵ Лэй С. Теоретические вопросы управления государством на правовой основе и на основе нравственных норм: китайский опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 9 (1). С. 102–111.

¹⁶ Ван Ш., Ли Ч. Распределение гражданской юрисдикции в спорах о блокчейне: правовые инновации и законодательные меры // Политика и право. 2020. № 5. (王淑敏; 李忠操. 区块链纠纷的民事管辖权配置: 法理创新与立法应对. 大连海事大学法学院; 大连海事大学法学院 【法宝引证码】CLI.A.1288792); Сяо Ц., Дин Ц. О создании китайского «Штутгартского режима» в Интернете — исследование асинхронного судебного режима Интернет-судов // Применимый закон. 2020. № 15. (肖建国; 丁金钰. 论我国在线“斯图加特模式”的建构-以互联网法院异步审理模式为对象的研究. 中国人民大学法学院; 中国人民大学法学院; 《人大法律评论》编辑部 【法宝引证码】CLI.A.1296863)

алгоритмов делегировано платформам. Они заключают с пользователями договоры присоединения, которые не меняются по воле пользователя. Однако формируются с учетом интересов большинства пользователей, общественных и социальных групп, создавая добросовестные практики, стандарты поведения, Кодексы этики. Поэтому все больше ученых пытаются переосмыслить роль государства в «децентрализованной»¹⁷, «плюрализованной»¹⁸ или «сетевой»¹⁹ регуляторной среде. Ясно одно: на смену жестким иерархичным системам источников правового регулирования приходят более гибкие механизмы регулирования.

Отражение цифровизации общественных отношений в законодательных предписаниях в КНР

Стремительное развитие технологий в Китае привело к значимому разрыву между традиционным правом и не в полной мере сформированным законодательством XXI в. Исследователи указывают, что основные проблемы цифровизации в Китае связаны с отсутствием четкого регулирования данной сферы. Сегодня идет активная работа, разработан и принят ряд законов: Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности, Закон Китайской Народной Республики о безопасности данных, Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации, Закон о защите персональных данных (PIPL). Ответственными органами по обеспечению цифровизации в КНР являются Государственный совет КНР, Министерство науки и технологий, Министерство промышленности, Министерство образования, Комиссия по развитию и реформам, Китайская академия наук. Кроме того, департамент надзора и администрирования китайского рынка сформулировал Временные правила регулирования рекламного поведения и Руководящие указания по усилению надзора за маркетинговой деятельностью в режиме онлайн в прямом эфире, а также выпустил «Антимонопольные правила для платформенной экономики (проект для обсуждения)», но с общей точки зрения разрыв между надзором за виртуальной экономикой и реальной экономикой все еще очень очевиден. При этом одним из факторов, сдерживающих цифровизацию в КНР, называют чрезмерный государственный контроль экономики, инновационной и исследовательской сферы.

В стране введена так называемая система социального кредита, которая осмысливается через призму верховенства закона и права²⁰. Программа по-

строения системы социального кредита (2014–2020) КНР²¹ ввела рейтингование китайских граждан, в зависимости от повседневных действий (оплата налогов и коммунальных платежей, потребленный в сети контент, покупка товаров и услуг, участие в комьюнити, связи с «друзьями» в социальных сетях). Данный рейтинг влияет на социальный статус гражданина: возможность его трудоустройства, получения образования, кредита, посещения определенных публичных мест и возможность осуществления иных прав²².

При этом введение и реализация Программы основаны на законах, нормативных актах, стандартах и договорах с привлечением сети участников и объектов инфраструктуры, охватывающей членов общества, и поддерживаются мобильным приложением, обеспечивающим аккумуляцию больших данных в сфере частной жизни граждан и юридических лиц, и системой услуг для формирования культуры единства и развития традиции честности. Фактически реализация Программы достигается путем алгоритмического подключения или отключения определенных функций в мобильном приложении конкретного пользователя. Использование больших данных для построения кредитного общества и создания полноценной кредитной системы стало новой стратегией китайского социального управления. Например, Шанхай использует систему социального кредитования для создания личных «кредитных баллов». Создана Шанхайская городская система оценки кредитоспособности и платформы приложений «кредитный рейтинг». Для построения модели алгоритма оценки кредитоспособности применяется технология интеллектуального анализа и анализа больших данных, которая базируется на научно обоснованной, точной и эффективной стандартной системе оценки кредитоспособности. Для применения указанной технологии разработана стандартная интерфейсная служба для внешнего обмена и вывода кредитных баллов, с возможностью в будущем применения кредитных баллов в различных областях экономики.

Цифровой конституционализм и персонализация в сфере права

Представляется, что в данном случае мы имеем дело со смещением регулирования отношений от законов в сторону алгоритмических решений. Такая «тонкая настройка» регулирования получила название персонализация права²³. Автор данного термина Филипп Хаккер выдвинул идею о том, что персонализация права есть адаптация частноправового регулятивного аппарата к индивидуальным адресатам

¹⁷ Black J. Decentering Regulation: Understanding the Role of Regulation and Self-Regulation in a “Post-Regulatory” World // *Current Legal Problems*. 2001. Vol. 54. P. 103–146.

¹⁸ Parker C. The Pluralization of Regulation // *Theoretical Inquiries in Law*. 2008. Vol. 9. P. 349–369.

¹⁹ Burris S., Drahos P., Shearing C. Nodal Governance // *Australian Journal of Legal philosophy*. 2005. Vol. 30. 30 p.; Crawford A. Networked Governance and the Post-Regulatory State? Steering, Rowing and Anchoring the Provision of Policing and Security // *Theoretical Criminology*. 2006. Vol. 10. P. 449–479; Shearing C., Wood J. Nodal Governance, Democracy, and the New “Denizens” // *Journal of Law and Society*. 2003. Vol. 30. P. 400–419.

²⁰ Социальный кредит и верховенство закона через призму идеи децентрализованного верховенства права, соотношения централизованной верховной власти и усиления регулирования: Шен К. Верховенство закона в построении системы социального кредита // Закон Китая. 2019. № 5. CLI.A.1284063 (社会信用体系建设的法治之道 【法宝引证码】 CLI.A.1284063);

Ма Ч. Права человека четвертого поколения» и их гарантия в обществе мудрости // Закон Китая. 2019. № 5. CLI.A.1284062 (智慧社会背景下的“第四代人权”及其保障 【法宝引证码】 CLI.A.1284062); Дай К. Понимание общей перспективы построения системы социального кредита // Китайское и зарубежное право. 2019. (戴昕. 理解社会信用体系建设的整体视角. 法治分散、德治集中与规制强化. 【法宝引证码】 CLI.A.1283860).

²¹ URL: https://www.creditchina.gov.cn/xinyongkanwu/xinyongtushu/201803/t20180321_111269.html

²² Botsman R. Big Data Meets Big Brother as China Moves to Rate its Citizens // *Wired*. 2017. 21 October.

²³ Hacker Ph. Personalizing EU Private Law: From Disclosures to Nudges and Mandates // *European Review of Private Law*. 2017. Vol. 25. Is. 3. P. 651–678.

в Интернете в зависимости от их поведения, степени рациональности, уязвимости и экономической обеспеченности, высчитанной с помощью анализа их данных активности в сети. С опорой на концепцию поведенческой экономики и аналитику больших данных автор предлагает разработать всеобъемлющие основы для персонализации частного права ЕС с помощью таких инструментов регулирования, как раскрытие информации, стимулирование и рекомендации. В итоге это позволит адаптировать законы к индивидуальным особенностям адресатов. Такое серьезное ограничение возможностей субъекта прав в зависимости от результатов применения предсказательных систем, на наш взгляд, приведет к серьезным нарушениям прав и свобод человека. Мы полагаем, здесь можно было бы говорить о легализации механизмов ограничения правоспособности субъектов путем отключения для них отдельных функций цифровых платформ, как это реализовано в системе социального кредита в Китае, когда правонарушение приводит к алгоритмизированной невозможности совершения каких-либо операций в течение установленного времени.

В статье «Цифровой конституционализм: использование верховенства закона для оценки легитимности управления платформами» Николас Сюзор развивает идею о том, что цифровые платформы управляют пользователями, создавая правила и политики. При этом с точки зрения концепции верховенства закона легитимность такого управления пользователями может быть квалифицирована как частное. Частное управление является согласованным, прозрачным, одинаково применяемым, относительно стабильным и справедливым. Поэтому, по мысли автора, в контексте цифрового конституционализма на первый план выходит поиск желаемых ограничений власти цифровых платформ²⁴.

Такое использование технологий — за пределами прямого нормативного регулирования — приводит к необходимости легализации данных возможностей. Этот вопрос уже стоит на повестке современной юридической науки. С одной стороны, исследователи предлагают сдерживать негосударственное регулирование через принятие государственных стандартов. Государственное технорегулирование предлагается рассматривать как дополнение к обычному регулированию, потому что легитимность требует, чтобы нормы были прозрачными, а регулирующий орган нес ответственность за эти нормы²⁵. В России такой путь реализуется путем принятия ГОСТов²⁶ (например, ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения»). В КНР принимаются общие правила о раскрытии информации о принципах действия алгоритмов и создания артефактов искусственного интеллекта²⁷.

²⁴ Suzor N. Digital Constitutionalism: Using the Rule of Law to Evaluate the Legitimacy of Governance by Platforms // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4. Is. 3. P. 2056305118787812.

²⁵ Leenes R. Framing Techno-Regulation: An Exploration of State and Non-State Regulation by Technology // *Legisprudence*. 2011. Vol. 5. Is. 2. P. 143–169.

²⁶ Kharitonova Yu., Savina V., Pagnini F. Artificial Intelligence's Algorithmic Bias: Ethical and Legal Issues // *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2021. Is. 53. P. 488–515.

²⁷ См., напр.: Приказ Администрации по киберпространству Китая, Министерства промышленности и информатизации

С другой стороны, расширение сфер применения алгоритмического регулирования ставит вопрос о квалификации новых правил «из Сети» как источников регулирования общественных отношений. Г. Тойбнер пришел к выводу, что преобладающее право творчество смещается от политически институализированных центров в государстве к периферии права, к границе между правом и иными глобализованными социальными секторами. По его мнению, «избирательность нормотворчества меняется по сравнению с традиционно политической позитивизацией права». В специфической избирательности «неоспонтанного глобального права» кроется вызов для теории источников права: в качестве критериев отнесения к источникам правового регулирования теперь необходимо учитывать не только происхождение, но и «социальную легитимацию» различных типов правотворчества²⁸. М.В. Мажорина поясняет, что «право государства является безусловным элементом нормативной системы, но все больше сдвигается на периферию, в то время как ядро формируется из норм негосударственного регулирования»²⁹, ведь «нормы негосударственного регулирования не лишены обязательности»³⁰.

Таким образом, частная власть технологических компаний, прежде всего цифровых платформ и операторов больших данных, позволяет им формировать правила поведения, приобретающие значение мягкого права.

Выводы

Принцип верховенства закона обладает двойственностью. Формально верховенство закона требует признания наивысшей юридической силы за актами, исходящими от законодателя, наделенного функциями органа государственной власти. Однако в условиях перманентного и значимого развития технологий и проникновения их в общественные отношения во многих государствах все заметнее выделение таких способов формирования правил поведения участников цифровых отношений, при которых нормативным характером наделяются и частные структуры. Отобранные законодателем правила могут быть закреплены в законе. Такой способ формирования правовой системы позволяет добиваться ее эффективности и предсказуемости. Содержательно верховенство права связывается с фундаментальными правами и свободами человека, которые вытекают из принципов законности, морали и справедливости. В этом аспекте выявленная тенденция к персонализации права позволяет сконструировать большое число правил, адресованных различным участникам общественных отношений в цифровой среде, и добиться их исполнимости путем установления технологических ограничений.

КНР, Министерства общественной безопасности КНР и Главного государственного управления КНР по надзору и регулированию рынка от 16 ноября 2021 г. № 9 «Положение об управлении рекомендательными алгоритмами информационных служб Интернета». URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-01/04/content_5666429.htm

²⁸ Teubner G. Global Private Regimes: Neo-Spontaneous Law and Dual Constitution of Autonomous. 2004 Sectors? // *Globalization and Public Governance* / ed. by K.-H. Ladeur. Aldershot : Ashgate, 2004. P. 71–87.

²⁹ Мажорина М.В. Указ. соч.

³⁰ Dijk P. van. Normative Force and Effectiveness of International Norms // *German Yearbook of International Law*. 1987. Vol. 30. P. 12.

Литература

1. Артамонов А.Н. Создание законов в субъектах Российской Федерации : монография / А.Н. Артамонов. Ростов-на-Дону : РЮИ РПА Минюста России, 2011. 192 с.
2. Ван Ч. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае / Ч. Ван // *Lex Russica (Русский закон)*. 2020. № 3 (160). С. 135–139.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. Москва : Юриспруденция, 2000. 528 с.
4. Дмитрик Н.А. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект / Н.А. Дмитрик // *Закон*. 2020. № 6. С. 64–72.
5. Лэй С. Теоретические вопросы управления государством на правовой основе и на основе нравственных норм: китайский опыт / С. Лэй // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2018. № 9 (1). С. 102–111.
6. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже / М.В. Мажорина // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 7. С. 93–107.
7. Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность / А.П. Мазуренко. Москва : Юрист, 2010. 392 с.
8. Маслов А. Недетская песочница. Как государство экспериментирует с правовым регулированием / А. Маслов // *Финансовая газета*. 2020. № 17. С. 8–9.
9. Ни Ф. Ориентация и инновация: теория верховенства закона при социализме с китайской спецификой с точки зрения международного права / Ф. Ни, С. Ли // *Власть*. 2016. Т. 24. № 10. С. 171–177.
10. Поленина С.В. Правотворческая политика / С.В. Поленина // *Российская правовая политика : курс лекций* / С.Ф. Афанасьев, В.П. Беляев, Е.В. Вавилин [и др.] ; под редакцией Н.И. Матузова, А.В. Малько. Москва : Норма, 2003. С. 180–204.
11. Правовое государство, личность, законность / В.С. Нерсесянц, Г.В. Мальцев, Е.А. Лукашева [и др.]. Москва : НИИ правовой политики и проблем правоприменения, 1997. 138 с.
12. Правовые основы бизнеса в Китае / Ш. Вэнхуа, А. Молотников, В. Чаоэнь [и др.] ; ответственные редакторы А.Е. Молотников, В. Шань. Москва : Изд-во РКЮО, 2018. 568 с.
13. Сонин В.В. Правление государством на основе закона: истоки, содержание и перспективы китайского варианта правового государства / В.В. Сонин // *Lex Russica (Русский закон)*. 2016. № 9 (118). С. 99–113.
14. Сун Л. Теоретические вопросы управления государством на правовой основе и на основе нравственных норм: китайский опыт / Л. Сун // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2018. Т. 9. № 1. С. 102–111.
15. Black J. Decentring Regulation: Understanding the Role of Regulation and Self-Regulation in a “Post-Regulatory” World / J. Black // *Current Legal Problems*. 2001. Vol. 54. P. 103–146.
16. Botsman R. Big Data Meets Big Brother as China Moves to Rate its Citizens / R. Botsman // *Wired*. 2017. 21 October.
17. Burris S. Nodal Governance / S. Burris, P. Drahos, C. Shearing // *Australian Journal of Legal philosophy*. 2005. Vol. 30. 30 p.
18. Crawford A. Networked Governance and the Post-Regulatory State? Steering, Rowing and Anchoring the Provision of Policing and Security / A. Crawford // *Theoretical Criminology*. 2006. Vol. 10. P. 449–479.
19. Dijk P. van. Normative Force and Effectiveness of International Norms / P. van Dijk // *German Yearbook of International Law*. 1987. Vol. 30. P. 9–12.
20. Hacker Ph. Personalizing EU Private Law: From Disclosures to Nudges and Mandates / Ph. Hacker // *European Review of Private Law*. 2017. Vol. 25. Is. 3. P. 651–678.
21. Kharitonova Yu. Artificial Intelligence’s Algorithmic Bias: Ethical and Legal Issues / Yu. Kharitonova, V Savina, F. Pagnini // *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2021. Is. 53. P. 488–515.
22. Leenes R. Framing Techno-Regulation: An Exploration of State and Non-State Regulation by Technology / R. Leenes // *Legisprudence*. 2011. Vol. 5. Is. 2. P. 143–169.
23. Parker C. The Pluralization of Regulation / C. Parker // *Theoretical Inquiries in Law*. 2008. Vol. 9. P. 349–369.
24. Shearing C. Nodal Governance, Democracy, and the New “Denizens” / C. Shearing, J. Wood // *Journal of Law and Society*. 2003. Vol. 30. P. 400–419.
25. Suzor N. Digital Constitutionalism: Using the Rule of Law to Evaluate the Legitimacy of Governance by Platforms / N. Suzor // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4. Is. 3. P. 2056305118787812.
26. Teubner G. Global Private Regimes: Neo-Spontaneous Law and Dual Constitution of Autonomous. 2004 Sectors? / G. Teubner // *Globalization and Public Governance* / ed. by K.-H. Ladeur. Aldershot : Ashgate, 2004. P. 71–87.
27. 戴昕. 理解社会信用体系建设的整体视角. 法治分散、德治集中与规制强化. 【法宝引证码】CLI.A.1283860.
28. 智慧社会背景下的“第四代人权”及其保障 【法宝引证码】CLI.A.1284062.
29. 王淑敏; 李忠操. 区块链纠纷的民事管辖权配置: 法理创新与立法应对. 大连海事大学法学院; 大连海事大学法学院 【法宝引证码】CLI.A.1288792.
30. 社会信用体系建设的法治之道 【法宝引证码】CLI.A.1284063.
31. 肖建国; 丁金钰; 论我国在线“斯图加特模式”的建构-以互联网法院异步审理模式为对象的研究. 中国人民大学法学院; 中国人民大学法学院; 《人大法律评论》编辑部 【法宝引证码】CLI.A.1296863.

References

1. Artamonov A.N. Sozdanie zakonov v subyektakh Rossiyskoy Federatsii : monografiya [Development of Laws in the Constituent Entities of the Russian Federation : monograph] / A.N. Artamonov. Rostov-na-Donu : RYU I RPA Minyusta Rossii — Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2011. 192 s.
2. Wang Z. Put kodifikatsii grazhdanskogo zakonodatelstva v Kitae [The Path of Codification of Civil Laws in China] / Z. Wang // *Lex Russica (Russkiy zakon) — Lex Russica (Russian Law)*. 2020. № 3 (160). S. 135–139.
3. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnyk dlya yuridicheskikh vuzov [Theory of State and Law : textbook for legal higher educational institutions] / A.B. Vengerov. Moskva : Yurisprudentsiya — Moscow : Jurisprudence, 2000. 528 s.

4. Dmitrik N.A. Eksperimentalny'e pravovy'e rezhimy: teoretiko-pravovoy aspekt [Experimental Legal Regimes: A Theoretical Legal Aspect] / N.A. Dmitrik // Zakon — Law. 2020. № 6. S. 64–72.

5. Lei S. Teoreticheskie voprosy` upravleniya gosudarstvom na pravovoy osnove i na osnove npravstvenny`kh norm: kitayskiy opyt [Theoretical Issues of Public Administration on the Basis of Law and on the Basis of Moral Standards: Chinese Experience] / S. Lei // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo — Bulletin of the Saint Petersburg University. Law. 2018. № 9 (1). S. 102–111.

6. Mazhorina M.V. O kollizii prava i «neprava», renovatsii lex mercatoria, smart-kontraktakh i blokcheyn-arbitrazhe [On the Conflict between Law and “Non-Law”, Renovation of Lex Mercatoria, Smart Contracts and Blockchain Arbitration] / M.V. Mazhorina // Lex Russica (Russkiy zakon) — Russian Law. 2019. № 7. S. 93–107.

7. Mazurenko A.P. Rossiyskaya pravotvorcheskaya politika: kontseptsiya i realnost [The Russian Law Making Policy: The Concept and Reality] / A.P. Mazurenko. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2010. 392 s.

8. Maslov A. Nedetskaya pesochitsa. Kak gosudarstvo eksperimentiruet s pravovy'm regulirovaniem [An Unchildlike Sand Box. How the State Experiments with the Legal Regulation] / A. Maslov // Finansovaya gazeta — Financial Newspaper. 2020. № 17. S. 8–9.

9. Nee F. Orientatsiya i innovatsiya: teoriya verkhovstva zakona pri sotsializme s kitayskoy spetsifikoy s tochki zreniya mezhdunarodnogo prava [Orientation and Innovation: The Theory of Supremacy of Law under Socialism with Chinese Specifics from the International Law Standpoint] / F. Nee, S. Lee // Vlast — Power. 2016. Vol. 24. № 10. S. 171–177.

10. Polenina S.V. Pravotvorcheskaya politika [The Law Making Policy] / S.V. Polenina // Rossiyskaya pravovaya politika : kurs lektsiy / S.F. Afanasyev, V.P. Belyaev, E.V. Vavilin [i dr.] ; pod redaktsiyey N.I. Matuzova, A.V. Malko [Russian Legal Policy : course of lectures / S.F. Afanasyev, V.P. Belyaev, E.V. Vavilin [et al.] ; edited by N.I. Matuzov, A.V. Malko]. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2003. S. 180–204.

11. Pravovoe gosudarstvo, lichnost, zakonnost [A Law-Governed State, Personality, Legality] / V.S. Nersesyants, G.V. Maltsev, E.A. Lukasheva [i dr.]. Moskva : NII pravovoy politiki i problem pravoprimeneniya — Moscow : Research Institute of Legal Policy and Law Enforcement, 1997. 138 s.

12. Pravovy'e osnovy` biznesa v Kitae ; otvetstvenny'e redaktory` A.E. Molotnikov, W. Shan [Legal Fundamentals of Business in China ; publishing editors A.E. Molotnikov, V. Shan] / S. Wenhua, A. Molotnikov, W. Chaoen [i dr.]. Moskva : Izd-vo RKYUO — Moscow : RCLS publishing house, 2018. 568 s.

13. Sonin V.V. Pravenie gosudarstvom na osnove zakona: istoki, sodержanie i perspektivy` kitayskogo varianta pravovogo gosudarstva [Law-Based Public Administration: The Origins, Content and Prospects of the Chinese Option of a Law-Governed State] / V.V. Sonin // Lex Russica (Russkiy zakon) — Russian Law. 2016. № 9 (118). S. 99–113.

14. Sun L. Teoreticheskie voprosy` upravleniya gosudarstvom na pravovoy osnove i na osnove

npravstvenny`kh norm: kitayskiy opyt [Theoretical Issues of Public Administration on the Basis of Law and on the Basis of Moral Standards: Chinese Experience] / L. Sun // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo — Bulletin of the Saint Petersburg University. Law. 2018. Vol. 9. № 1. S. 102–111.

15. Black J. Decentring Regulation: Understanding the Role of Regulation and Self-Regulation in a “Post-Regulatory” World / J. Black // Current Legal Problems. 2001. Vol. 54. S. 103–146.

16. Botsman R. Big Data Meets Big Brother as China Moves to Rate Its Citizens / R. Botsman // Wired. 2017. 21 October.

17. Burris S. Nodal Governance / S. Burris, P. Drahos, C. Shearing // Australian Journal of Legal Philosophy. 2005. Vol. 30. 30 s.

18. Crawford A. Networked Governance and the Post-Regulatory State? Steering, Rowing and Anchoring the Provision of Policing and Security / A. Crawford // Theoretical Criminology. 2006. Vol. 10. S. 449–479.

19. Dijk P. van. Normative Force and Effectiveness of International Norms / P. van Dijk // German Yearbook of International Law. 1987. Vol. 30. S. 9–12.

20. Hacker Ph. Personalizing EU Private Law: From Disclosures to Nudges and Mandates / Ph. Hacker // European Review of Private Law. 2017. Vol. 25. Is. 3. S. 651–678.

21. Kharitonova Yu. Artificial Intelligence's Algorithmic Bias: Ethical and Legal Issues / Yu. Kharitonova, V. Savina, F. Pagnini // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Is. 53. S. 488–515.

22. Leenes R. Framing Techno-Regulation: An Exploration of State and Non-State Regulation by Technology / R. Leenes // Legisprudence. 2011. Vol. 5. Is. 2. S. 143–169.

23. Parker C. The Pluralization of Regulation / C. Parker // Theoretical Inquiries in Law. 2008. Vol. 9. S. 349–369.

24. Shearing C. Nodal Governance, Democracy, and the New “Denizens” / C. Shearing, J. Wood // Journal of Law and Society. 2003. Vol. 30. S. 400–419.

25. Suzor N. Digital Constitutionalism: Using the Rule of Law to Evaluate the Legitimacy of Governance by Platforms / N. Suzor // Social Media + Society. 2018. Vol. 4. Is. 3. S. 2056305118787812.

26. Teubner G. Global Private Regimes: Neo-Spontaneous Law and Dual Constitution of Autonomous. 2004 Sectors? / G. Teubner // Globalization and Public Governance / ed. by K.-H. Ladeur. Aldershot : Ashgate, 2004. S. 71–87.

27. 戴昕. 理解社会信用体系建设的整体视角. 法治分散、德治集中与规制强化. 【法宝引证码】CLI.A.1283860.

28. 智慧社会背景下的“第四代人权”及其保障【法宝引证码】CLI.A.1284062.

29. 王淑敏; 李忠操. 区块链纠纷的民事管辖权配置: 法理创新与立法应对. 大连海事大学法学院; 大连海事大学法学院 【法宝引证码】CLI.A.1288792.

30. 社会信用体系建设的法治之道【法宝引证码】CLI.A.1284063.

31. 肖建国; 丁金钰; 论我国在线“斯图加特模式”的建构-以互联网法院异步审理模式为对象的研究. 中国人民大学法学院; 中国人民大学法学院; 《人大法律评论》编辑部 【法宝引证码】CLI.A.1296863.

Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан*

Минбалеев Алексей Владимирович,
заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
эксперт Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент
alexmin@bk.ru

Институт цифрового профилирования граждан и юридических лиц стремительно развивается во всем мире и предполагает сбор и обработку ряда данных субъектов в целях их возможного использования в коммерческих целях¹. Цифровой профиль гражданина формируется как на государственном уровне, так и многочисленными коммерческими цифровыми платформами.

Функционирование цифрового профиля граждан предполагает совершение ряда действий с принадлежащей им информацией. Прежде всего, возникает вопрос об использовании ряда данных, на основе которых в рамках цифрового профилирования осуществляется социальное рейтингование или скоринг, то есть ранжирование граждан по тем или иным показателям, позволяющим иметь определенные преимущества или возможности в связи с определенным уровнем в рейтинге. Скоринг может быть связан с наделением лица определенным статусом. В России сегодня он набирает активно обороты на уровне отдельных коммерческих цифровых платформ, на которых пользователям в зависимости от тех или иных активностей присваиваются баллы, очки и другие поощрения, присваивается определенный уровень и они приобретают право на скидки, закрытые распродажи и иные поощрения. Элементы социального скоринга внедряются и в официальные системы, аккумулирующие цифровые профили и данные граждан. Так, в рамках Единого портала государственных и муниципальных услуг, в зависимости от подтверждения своего статуса, различается несколько уровней пользователей, в связи с чем предоставляется возможность доступа к определенному набору электронных услуг. Причем развитие такой системы явно свидетельствует, что государство заинтересовано в продвижении ряда систем идентификации граждан в рамках портала, например биометрической идентификации, и в перспективе будут появляться новые статусы и новые возможности для получения услуг. Аналогичные системы социального рейтингования граждан в перспективе могут быть использованы в различных государственных системах учета граждан и на официальных цифровых платформах. Сегодня важно

обеспечить защиту прав граждан на информирование о подобном использовании их цифровых профилей и данных в них, а также предоставить законодательно возможность гражданско-правовой защиты своих личных неимущественных, а в ряде случаев и имущественных прав в случаях допущения тех или иных ошибок в процессе обработки и использования данных в рамках такого рейтингования, нарушения установленных процессов рейтингования, использования автоматизированных способов сбора и обработки данных и в ряде других случаев.

Часто такая дифференциация граждан осуществляется без учета тех или иных данных, что приводит к ущемлению чести, достоинства и деловой репутации граждан. Усугубляет положение дел и тот факт, что в ряде случаев подобные нарушения происходят не в силу технических ошибок, а в силу анализа данных пользователя системами искусственного интеллекта на основе дискриминационной оценки того или иного пользователя в зависимости от пола, национальной или расовой принадлежности, а также иных социальных характеристик.

На базе технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей активно развиваются также и системы скрейпинга, то есть автоматизированного сбора и оценки по определенным правилам данных с тех или иных сайтов, социальных сетей, используемых для определения их соответствия тем или иным параметрам, а также соотнесения друг с другом. При этом если на первоначальном этапе развития данные технологии использовались исключительно для отслеживания и сопоставления цен на товары в интернет-магазинах, то сегодня они активно используются для оценки пользователей сайтов и социальных сетей и выстраивания их моделей поведения, рейтингования пользователей в целях предложения наиболее активной группе больших возможностей. Пользователи, обладающие наибольшей покупательной способностью по данным такого анализа, становятся обладателями большего набора прав и привилегий. Не попавшим в «элитную группу» часто грозит не просто снижение рейтинга, но и ограничения при предоставлении услуг, что часто является прямым нарушением законодательства о защите прав потребителей. Однако в пользовательских соглашениях все это может прямо прописываться.

¹ Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : монография / под ред. Т.А. Поляковой, А.В. Минбалеева. М. : Институт государства и права РАН, 2020. С. 57, 60.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта конкурса А № 20-011-00077 «Правовое регулирование цифрового профиля человека в сети „Интернет“».

Законодательно сегодня, к сожалению, прямо не предусматривается возможность защиты личных неимущественных прав в связи с неверной оценкой своих действий в сети Интернет, с ошибкой в рейтинговании, с ограничениями в правах в силу низкого рейтинга, с возможной дискриминационной оценкой, заложенной в алгоритмах систем искусственного интеллекта.

В мире сегодня активно развивается законодательство и судебная практика, направленная на защиту личных неимущественных прав граждан в связи с неправильной оценкой их данных в рамках того или иного цифрового профиля. Наиболее прогрессивная такая система сейчас складывается в Китае. Именно в этом государстве система социального скоринга получила официальное закрепление на государственном уровне и все граждане подвергаются рейтингованию. Система социального кредита Китая призвана оценить надежность каждого гражданина. На официальном уровне системе социального доверия был дан старт еще в 2007 г. Регулирование осуществляется Программой-планом создания системы социального кредита (2014–2020), принятой Государственным советом 27 июня 2014 г., а также Руководящим мнением Государственного совета КНР по созданию и совершенствованию механизмов поощрений лиц с высоким рейтингом доверия и наказаний лиц, утративших доверие, для ускорения создания системы социального кредита, принятым Государственным советом 12 июня 2016 г. Система рассчитана таким образом, что к 2020 г. каждый житель Китая должен был быть занесен в обширную национальную базу данных, которая собирает фискальную и правительственную информацию, включая незначительные нарушения правил дорожного движения, и переводит ее в один номер в рамках профиля каждого гражданина, ранжирующий его в масштабах государства. С 1 января 2021 г. в Китае действует новый Гражданский кодекс КНР² (принят на третьей сессии Тринадцатого Всекитайского собрания народных представителей 28.05.2020), который на уровне закона закрепляет официальное введение в действие «системы социального кредита».

Сегодня в Китае создана и функционирует Единая платформа доверия <https://www.creditchina.gov.cn/>, которая стала фактически официальной государственной базой кредитной оценки физических лиц и организаций. В «основе расчета рейтинга лежат четыре основных критерия: честность в государственных делах; коммерческая добросовестность; поведение в обществе; судебная история. Высший уровень рейтинга — AAA (1 050 баллов), далее AA — 1 000 баллов; затем уровни B и C, а также худший — D (599 баллов). Лица, которым присваивается рейтинг D, ограничиваются в возможностях и даже в правах: они не могут свободно передвигаться по стране, их трудоустройство затруднено, а общение с ними может снизить рейтинг „благонадежных“ граждан. Таким образом, „неблагонадежные“ лица автоматически изолируются от общества, отлучаются от общения

с его членами»³. Аналогичная система действует и в отношении юридических лиц — компании проверяют на соответствие экологическим, юридическим нормам. Оценке также подвергаются условия и безопасность труда на предприятиях, их финансовая отчетность.

Помимо национального уровня в провинциях также разрабатываются документы по развитию социального кредитования. Например, в провинции Шандун были приняты Основы работы по строительству социальной кредитной системы в провинции Шаньдун в 2021 году⁴. Аналогичные акты приняты и в провинциях Тяньцзинь, Гуандун, Ганьсу. Эти положения провинций разрабатываются в целях стандартизации управления социальным кредитованием, обеспечения того, чтобы организации, занимающиеся социальным рейтингованием, на законных основаниях способствовали построению социальной системы, созданию социальной среды и оптимизации деловой практики.

Информация о социальном кредите (рейтинге) обычно относится к объективным данным и материалам, которые могут идентифицировать, анализировать и оценивать социальную репутацию субъектов такого рейтинга, включая общедоступную информацию и рыночную кредитную информацию. При этом под публичной кредитной информацией признается социальная информация, созданная или полученная государственными учреждениями и организациями, деятельность которых разрешена законами и нормативными актами, в ходе осуществления законной деятельности. А рыночная кредитная информация относится к кредитным услугам, организациям индустрии кредитных услуг и другой социальной кредитной информации, созданной или полученной в рамках гражданского оборота.

Законодательство КНР и провинций четко устанавливает, что сбор, обмен, запрос и использование информации социального кредита не должны угрожать суверенитету государства, не должны ущемлять общественные интересы и не должны разглашать государственные секреты, коммерческую тайну и личную тайну на основе принципов обоснованности, необходимости и рассудительности.

Перевод этой системы из эксперимента в стадию общегосударственного применения юридически был подкреплён рядом норм нового Гражданского кодекса КНР (далее — ГК КНР), в котором нашли отражения положения о защите личных прав граждан в связи с ущемлением их чести, достоинства и деловой репутации в процессе социального рейтингования.

Так, если субъекты кредита считают, что сбор, раскрытие, совместное использование и использование социальной информации являются незаконными или ошибочными, они имеют право подать возражение. В рамках системы социального креди-

³ Трошинский П.В., Молотников А.Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // Правоведение. 2019. Т. 63. № 2. С. 314.

⁴ Уведомление о выпуске Основ работы по строительству социальной кредитной системы в провинции Шаньдун в 2021 г. URL: https://www.creditchina.gov.cn/zhengcefagui/zhengcefagui/difangzhengcefagui1/202105/t20210514_234678.html (дата обращения: 20.10.2021).

тования граждане Китая могут оспаривать факты недостоверной оценки данных в системе кредитования. Так, согласно ст. 1029 ГК КНР «гражданские лица могут запрашивать свои собственные кредитные оценки в соответствии с законом; если они обнаруживают, что кредитные оценки являются ненадлежащими, они имеют право подать возражения и потребовать корректировки данных, их удаление или принятие других мер. Кредитная оценка должна быть проверена на достоверность, и необходимые меры должны быть приняты субъектом, осуществляющим социальное кредитование своевременно». Согласно ст. 1034 ГК КНР персональные данные (личная информация) физических лиц охраняются законом, а по ст. 1038 ГК КНР лица, осуществляющие обработку информации без согласия физических лиц, не должны незаконно предоставлять другим лицам обработку таких данных; должны принимать технические меры и другие меры для обеспечения безопасности личной информации, которую они собирают и хранят, для предотвращения утечки, подделки и утраты информации. Если в персональных данных содержится информация о частной жизни лица, то они охраняются нормами о защите частной жизни, в других случаях — нормами о защите персональных данных. Таким образом, ГК КНР прямо предусматривает механизмы гражданско-правовой защиты персональных данных граждан, а также защиту прав на законную и правильную оценку данных о гражданах в рамках социального рейтингования.

Развитие системы цифрового профилирования и социального рейтингования в России неизбежно подтолкнет к необходимости защиты прав граждан в части получения информации о том, как происходит сбор и оценка цифрового профиля гражданина, как происходит формирование его рейтинга в рамках цифрового профиля, какие технологии и средства использовались в этом процессе, в том числе не использовались ли технологии искусственного интеллекта, не было ли дискриминационных параметров оценки и сопоставления данных на уровне алгоритмов систем искусственного интеллекта, использовались ли технологии веб-скрейпинга и давал ли гражданин согласие на их применение и др. Все эти положения должны найти отражение в российском законодательстве, а также прямо предусмотрена возможность гражданско-правовой защиты своих прав при осуществлении этих процессов. Важно обеспечить защиту прав пользователей сети Интернет, социальных сетей, различных цифровых платформ при создании различных рейтингов и оценок, не допускать ограничения гражданской правоспособности, если оно осуществляется на основе решения, принятого автоматизированным образом, и гражданину не было предоставлено всей необходимой информации для определения возможности решить, стоило ли ему вступать в соответствующие цифровые отношения. Однозначно должна предусматриваться гражданско-правовая защита прав граждан при осуществлении сбора, оценки и использовании его данных в рамках цифрового профилирования, функционирующего на основе использования систем искусственного интеллекта на базе дискриминационных алгоритмов по тому или иному социальному критерию.

Функционирование цифрового профиля также порождает проблемы достоверной оценки реальных пользователей-обладателей тех или иных профилей, а также их защиту от недобросовестного использования третьими лицами данных таких профилей, осуществления ряда действий, в том числе имущественной направленности от имени таких цифровых персонажей без их согласия. Цифровой профиль в связи с этим должен предполагать четкое его отождествление с конкретным лицом, не вводить других лиц в заблуждение относительно его обладателя. Если цифровой аватар или персонаж, который пользователь использует в своем цифровом профиле, отличается от реального положения дел, он должен информировать других об этом. Сегодня цифровые профили становятся все чаще публичными цифровыми двойниками тех или иных граждан и организаций, а их незаконное использование может серьезно навредить репутации. Часто распространяется недостоверная информация, создаются дипфейки имеющихся аватаров, которые полностью копируют данные и преднамеренно дискредитируют пользователей аватаров цифровых профилей. В связи с этим полагаем, что законодательно сегодня важно предусмотреть требование об информировании других лиц о таком расхождении, чтобы они осознавали вымышленный характер персонажа.

Таким образом, развитие использования цифровых профилей физических и юридических лиц порождает ряд вызовов современной системе гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав граждан и необходимость оперативного реагирования на них. Активное внедрение ряда технологий требует оценки действующих возможностей гражданского законодательства и его совершенствования уже в ближайшее время.

Литература

1. Трощинский П.В. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае / П.В. Трощинский, А.Е. Молотников // Правоведение. 2019. Т. 63. № 2. С. 309–326.

2. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: монография / под редакцией Т.А. Поляковой, А.В. Минбалева. Москва : Институт государства и права РАН, 2020. 340 с.

References

1. Troschinsky P.V. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki i tsifrovoy kh tekhnologii v Kitae [Peculiarities of the Legal Regulation of the Digital Economy and Digital Technologies in China] / P.V. Troschinsky, A.E. Molotnikov // Pravovedenie — Legal Studies. 2019. Vol. 63. № 2. S. 309–326.

2. Tsifrovaya transformatsiya: vy'zovy` pravu i vektory` nauchny`kh issledovaniy : monografiya ; pod redaktsiyei T.A. Polyakovoy, A.V. Minbaleeva [The Digital Transformation: Challenges to Law and the Legal Research Vector : monograph ; edited by T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev]. Moskva : Institut gosudarstva i prava RAN — Moscow : Institute of State and Law of the RAS, 2020. 340 s.

Правовые средства оборота объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта

Сушкова Ольга Викторовна,

доцент кафедры информационного права и цифровых технологий,
доцент кафедры предпринимательского и корпоративного прав

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

ovsushkova@mail.ru

Постановка проблемы. *Между ИИ и правами на результаты интеллектуальной деятельности (ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)) (далее — РИД) есть три основных совпадения: ИИ как технология, которая может использоваться в методике управления правами на РИД. Правовой режим, установленный на РИД, с одной стороны, может использоваться как режим защиты ИИ и интеллектуальная собственность (далее — ИС), с другой стороны, рассматривается как препятствие на пути к прозрачности систем ИИ, поскольку законодательно предусмотрены определенные ограничения в виде критериев патентоспособности (ст. 1350 ГК РФ — для изобретений). РИД оказывает влияние на ИИ, а ИИ влияет на развитие РИД, то есть можно усматривать правовой режим этих объектов как прямую и обратную пропорциональность через взаимность правовой связи. Такие взаимные связи могут оказывать не только выгодное, но и конфликтное значение¹.*

ИС — это система правовых средств и методов, которая может защитить ИИ. ИИ уже оказывает и, вероятно, окажет значительное влияние на создание, производство и распространение экономических и культурных товаров и услуг. Одна из основных целей политики в области ИС — стимулировать инновации и творчество в экономической и технологической областях, где ИИ и ИС легко пересекаются. В то же время государства — члены ВОИС призвали организацию сопоставить важные правительственные инструменты, имеющие отношение к ИИ, со стандартами². Исходя из положений ст. 1261 ГК РФ (программа для ЭВМ) следует согласиться с С.Г. Чубуковой, которая справедливо определяет, что такой инструмент, как «адаптация программного обеспечения», — это такие изменения в исходный и/или объектный код ПО³, которые могут использоваться как системы защи-

ты в отношении ИИ, «особенно когда ИИ может автономно генерировать изобретения»⁴. *Несмотря на положительное восприятие введения в гражданский и предпринимательский оборот ИИ, встает объективный вопрос: должен ли закон разрешать называть приложение ИИ в качестве изобретателя (автора РИД) или все-таки автором изобретения будет человек? Если да, должен ли закон указывать способ определения изобретателя-человека или позволить заинтересованным сторонам принимать это решение в частном порядке? Главный вопрос: кто должен быть зарегистрирован как правообладатель патента, связанного с приложением ИИ? Немаловажным является вопрос: кто и каким образом будет устанавливать степень «силы» такого ИИ, который сможет имитировать когнитивные функции человека и в какое время? Тут очевидным встает вопрос о правоспособности такого «сильного» ИИ. Поскольку ст. 21 ГК РФ устанавливает предел допустимости физического лица с 18 лет. А вот такой предел допустимости для «сильного» ИИ кто будет устанавливать — техническая экспертиза, проводимая компетентными специалистами?*

Достаточно ли действующих законодательных положений для учета специфики изобретений, созданных с помощью ИИ, или должны быть введены специальные законодательные положения? Должен ли закон исключать доступность патентной защиты автономно созданных изобретений с помощью приложения ИИ? Кроме того, можно поднять вопрос о толковании патентоспособности, а именно об изобретательском уровне или его неочевидности. В частности, какой ИИ (сильный или слабый) может устанавливаться в стандартах? Наконец, условие раскрытия (например, в обычной заявке раскрытию подлежат существенные элементы формулы изобретения) может быть затруднительным для изобретения, созданного приложением ИИ⁵.

¹ WIPO, Conversation on Intellectual Property (IP) and Artificial Intelligence (AI): Draft Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence, WIPO IP/AI/2/GE/20/1, 13 December 2019.

² Artificial Intelligence: A European Perspective, Joint Research Centre, EUR 29425 EN, 2018.

³ Чубукова С.Г. Практические критерии для квалификации адаптации программного обеспечения // Петербургский правовой портал: сайт. 2021. 27 января.

⁴ Сушкова О.В. Влияние правовых регуляторов в сфере права интеллектуальной собственности и вторичное использование исходного кода // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции (г. Москва, 4–6 апреля 2019 г.) : сб. науч. ст. : в 3 ч. / пред. ред. совета В.Н. Синюков. М. : РГ Пресс, 2019. Ч. 3. С. 399–402.

⁵ Приказ Роспатента от 11 декабря 2020 г. № 163 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной

Как может быть выполнено условие раскрытия информации, если алгоритмы машинного обучения меняются с течением времени? Следует ли раскрывать или описывать данные, используемые для обучения алгоритма, в патентной заявке?

Законодатель может прийти к выводу, что следует создать систему *sui generis* прав на РИД на изобретения, созданные ИИ, чтобы скорректировать инновационные стимулы для реализации технологий ИИ.

Аналогичные вопросы могут возникнуть в отношении правового режима института авторского права. Хотя приложения ИИ способны создавать литературные и художественные произведения автономно (ст. 1258 ГК РФ), эта способность не соответствует системе авторского права, которая тесно связана с творческой составляющей РИД. *Главный вопрос, поднятый здесь, заключается в том, следует ли присваивать авторское право оригинальным литературным и художественным произведениям, которые автономно создаются с помощью ИИ, или же должен потребоваться создатель-человек?* Э.Н. Гаврилов дает более четкую характеристику творчеству, при этом ничего не говорит о его сущности. Он, в частности, утверждает, что «творчество — это деятельность человека, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью»⁶. Такая характеристика творчества, на наш взгляд, «наиболее полно раскрывает правовую природу инноваций, поэтому и поддерживается автором настоящего исследования, убежденного в том, что выработка доктринального (унифицированного) понятия должна строиться на наиболее емких критериях или признаках анализируемого явления»⁷.

Если учесть, что системы ИИ должны быть защищены правами ИС, **возникает еще одна проблема:** права ИС все же могут быть препятствием для прозрачности систем ИИ. Несмотря на то что сегодня пропагандируется большая прозрачность и подотчетность систем принятия алгоритмических решений, остается вопрос: как удовлетворить это требование в тех случаях, когда процесс машинного обучения включает в себя несколько источников данных, динамическую разработку и непрозрачные элементы, будь то технологические или юридические причины?⁸

Права на РИД и коммерческая тайна⁹ могут создавать определенные барьеры и вызывать

службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 16.02.2021

⁶ Гаврилов Э. Н. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / отв. ред. В.А. Рассудовский. М.: Наука, 1984. С. 83.

⁷ Сушкова О.В. Гражданско-правовой режим инноваций в научно-технической сфере (на примере деятельности высших учебных заведений): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 23.

⁸ Wexler R. Life, Liberty, and Trade Secrets: IP in the Criminal Justice System // Stanford Law Review. Vol. 70. P. 1343, 1373.

⁹ Федеральный закон от 29 сентября 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

конфликт норм между охраной ИС и социальной потребностью в прозрачности и подотчетности. А.В. Минбалеев справедливо отмечает, что «в случае размещения информации в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования есть возможность использовать положения ГК РФ по аналогии п. 11 ч. 2 ст. 1270 ГК РФ (доведение до всеобщего сведения), происходит доведение до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к информации из любого места и в любое время. В этом случае применение каких-либо оговорок в локальных актах или договорах не повлияет на сохранение режима коммерческой тайны и у правообладателя исключительное право на секреты производства прекратит существование»¹⁰.

Такое раскрытие для достижения этих целей касается не самих алгоритмических правил, а только их результатов. Отсутствует риск нарушения прав на РИД и коммерческой тайны. Такие права не должны использоваться, чтобы избежать раскрытия и объяснения систем ИИ. Эта проблема иллюстрирует случай, когда перекрытие между ИИ и ИС может оказаться самой конфликтной.

Поднятые выше вопросы сводятся к частичному совпадению ИИ и ИС как важных и интересных наблюдений и моментов, которые еще не задавались и, следовательно, не рассматривались. Здесь были представлены вопросы, некоторые из которых должны побудить ученых найти баланс между ИИ и ИС.

Произведения искусства, как объекты авторского права, созданные ИИ: проблемы правового регулирования. Немаловажным является вопрос о пересечении ИИ и положений ч. 4 ГК РФ в отношении механизмов защиты системы объектов авторского права, включая произведения в области искусства, подчеркивая основные проблемы и возникающие полемики, такие как авторство, оригинальность и творчество, использование защищенного авторским правом контента в качестве входных данных для обучения ИИ путем его генерирования в произведения искусства и применения мер ответственности за нарушения прав на объекты авторского права, созданные ИИ.

В этой статье далее обсуждается вопрос об авторстве произведений искусства, созданных с помощью ИИ, и делается попытка указать, что эта проблема должна заключаться в том, кому из множества вовлеченных людей будут принадлежать права автора (ст. 1228 ГК РФ)¹¹. Важным является и вопрос меры и субъекта ответственности при нарушении авторских прав, вызванных ИИ, предложении такой концепции ответственности и ряда санкций, имеющей решающее влияние при фиксации нарушений алгоритмом.

¹⁰ Минбалеев А.В. Защита конфиденциальности секретов производства (ноу-хау) в предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. 2011. № 1. С. 19–21.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть 1). Ст. 5496.

Насколько «интеллектуален» ИИ? В современном стремительно развивающемся технологическом ландшафте люди (авторы, художники) «делают холст с другим талантливым художником» — ИИ. Несмотря на многочисленную полемику вокруг ИИ, довольно интересно, что ИИ по-прежнему не имеет точного определения, хотя это одно из наиболее часто используемых слов в современном деловом, юридическом и повседневном языке. Положения ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 ФЗ „О персональных данных“»¹² предлагают следующее понятие ИИ — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с РИД человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. При этом существуют и иные понятия, которые урегулированы как подзаконными актами¹³, так и документами Стратегического развития¹⁴. И такое положение вещей создает в правоприменительной практике сложности в применении. Справедливо отмечает А.В. Михайловым, что «переход к цифровой экономике, по сути, означает переход к правовой работе в областях, обслуживающих шестой технологический уклад. И законодательство, и юридическая наука должны решать задачи правового обеспечения указанных выше технологий. Соответственно, и законодательство, и юридическая наука должны претерпеть определенные сущностные перемены»¹⁵.

¹² Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 ФЗ „О персональных данных“» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

¹⁵ Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Право и Бизнес. 2019. № 3. С. 7–13.

Так как п. 1 ст. 1228 ГК РФ предусматривает, что автором РИД признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат, поэтому, подтверждая факт того, что ИИ может создавать произведения искусства, думаю, более корректным такой вид деятельности следует называть «алгоритмическим искусством», которое определяется «как любое искусство, которое может быть создано при использовании программирования»¹⁶.

Соответственно, следует различать «автоматизированные работы» и «компьютерные произведения». Компьютерные (или управляемые ИИ) работы предполагают «измеримую» долю человеческого вклада, при этом ИИ используется в качестве инструмента, например камеры, и, таким образом, не вызывает неопределенности в законодательстве об авторском праве. Институт защиты авторских прав (ст. 1406 ГК РФ и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁷) предусматривает классические механизмы (например, компенсация за нарушение), требует подтверждение такого авторства. В отличие от произведений, созданных с помощью компьютера (или произведений, созданных с помощью ИИ), авторство на РИД установить можно только при квалификации ИИ как программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). Такой «продвинутой» ИИ, как вид машинного обучения, требует гораздо меньшего человеческого участия¹⁸, чем компьютерные программы для ЭВМ, и поэтому часто воспринимается и маркируется как «не имеющий достаточного человеческого участия, чтобы претендовать на защиту авторских прав».

Возникает и юридический вопрос: кто является правообладателем объекта ИС и имеет право вводить произведение, созданное с использованием ИИ в предпринимательский оборот? У какого субъекта гражданского оборота возникает законное право использования входных данных для обучения ИИ, кто будет нести ответственность за нарушение авторских прав, вызванных ИИ?

Вывод. При соотношении ИИ и авторского права следует отметить, что ИИ, по существу, выходит за рамки авторских прав ИИ. Наделение ИИ субъектом права помогло бы справиться с проблемой авторства. Однако этот подход кажется непригодным для решения других важных проблем, таких как ответственность. Полагаем, что с точки зрения положений института авторского

¹⁶ Mazzone M., Elgammal A. Art, Creativity, and the Potential of Artificial Intelligence // Arts. 2019. Vol. 8. Is. 1. P. 26. URL: <https://doi.org/10.3390/arts8010026>

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

¹⁸ Алтухов А.В., Ершова И.В., Кашкин С.Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

права ничего не будет достигнуто, поскольку все создает человек своим творчеством, оригинальностью и новыми идеями. Этого можно достичь даже сейчас, переосмыслив доктринальные аспекты, формирующие авторское право, такие как оригинальность и творчество, и определив «решающего» человека, стоящего за произведениями искусства, созданными с помощью ИИ.

Литература

1. Алтухов А.В. Платформенное право, как драйвер развития инноваций / А.В. Алтухов, И.В. Ершова, С.Ю. Кашкин // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

2. Гаврилов Э.Н. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / Э.Н. Гаврилов ; ответственный редактор В.А. Рассудовский. Москва : Наука, 1984. 222 с.

3. Минбалеев А.В. Защита конфиденциальности секретов производства (ноу-хау) в предпринимательской деятельности / А.В. Минбалеев // Предпринимательское право. 2011. № 1. С. 19–21.

4. Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики / А.В. Михайлов // Право и Бизнес. 2019. № 3. С. 7–13.

5. Сушкова О.В. Влияние правовых регуляторов в сфере права интеллектуальной собственности и вторичное использование исходного кода / О.В. Сушкова // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции (г. Москва, 4–6 апреля 2019 г.). В 3 частях. Ч. 3 : сборник научных статей / председатель редакционного совета В.Н. Синюков. Москва : РГ Пресс, 2019. С. 399–402.

6. Сушкова О.В. Гражданско-правовой режим инноваций в научно-технической сфере (на примере деятельности высших учебных заведений) : диссертация кандидата юридических наук / О.В. Сушкова. Москва, 2010. 233 с.

7. Чубукова С.Г. Практические критерии для квалификации адаптации программного обеспечения / С.Г. Чубукова // Петербургский правовой портал: сайт. 2021. 27 января.

8. Mazzone M. Art, Creativity, and the Potential of Artificial Intelligence / M. Mazzone, A. Elgammal // Arts. 2019. Vol. 8. Is. 1. P. 26. URL: <https://doi.org/10.3390/arts8010026>

9. Wexler R. Life, Liberty, and Trade Secrets: IP in the Criminal Justice System / R. Wexler // Stanford Law Review. Vol. 70. P. 1343–1373.

References

1. Altukhov A.V. Platformennoye pravo, kak drayver razvitiya innovatsiy [Platform Law as an Innovation Development Driver] / A.V. Altukhov, I.V. Ershova, S.Yu. Kashkin // Predprinimatelskoe pravo — Entrepreneurial Law. 2020. № 4. S. 17–24.

2. Gavrillov E.N. Sovetskoye avtorskoye pravo. Osnovny'e polozheniya. Tendentsii razvitiya ; otvetstvenny'y redaktor V.A. Rassudovskiy [Soviet Copyright. The Main Provisions. Development Tendencies ; publishing editor V.A. Rassudovskiy] / E.N. Gavrillov. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1984. 222 s.

3. Minbaleev A.V. Zashchita konfidentsialnosti sekretov proizvodstva (nou-khau) v predprinimatelskoy deyatel'nosti [Protection of Confidentiality of Trade Secrets (Know How) in Entrepreneurial Activities] / A.V. Minbaleev // Predprinimatelskoye pravo — Entrepreneurial Law. 2011. № 1. S. 19–21.

4. Mikhaylov A.V. Perspektivy' razvitiya zakonodatel'stva o predprinimatelskoy deyatel'nosti v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Prospects of the Development of Laws on Entrepreneurial Activities in Digital Economy Conditions] / A.V. Mikhaylov // Pravo i Biznes — Law and Business. 2019. № 3. S. 7–13.

5. Sushkova O.V. Vliyaniye pravovy'kh regulyatorov v sfere prava intellektual'noy sobstvennosti i vtorichnoye ispolzovanie iskhodnogo koda [The Impact of Legal Regulators in the Intellectual Property Law Sector and the Secondary Use of Source Code] / O.V. Sushkova // Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoy promy'shlennoy revolyutsii: materialy' VI Moskovskogo yuridicheskogo foruma XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Moskva, 4–6 aprelya 2019 g.). V 3 chastyakh. Ch. 3 : sbornik nauchny'kh statey ; predsedatel' redaktsionnogo soveta V.N. Sinyukov [Russian Law System in Conditions of the Fourth Industrial Revolution : materials of the 6th Moscow Law Forum of the 16th International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 4 to 6, 2019). In 3 parts. Part 3 : collection of scientific articles ; chairman of the editorial board V.N. Sinyukov]. Moskva : RG Press — Moscow : RG Press, 2019. S. 399–402.

6. Sushkova O.V. Grazhdansko-pravovoy rezhim innovatsiy v nauchno-tekhnicheskoy sfere (na primere deyatel'nosti vy'sshikh uchebny'kh zavedeniy) : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Civil Law Regime of Innovations in the Science and Technology Sector (on the Example of Activities of Higher Educational Institutions) : thesis of PhD (Law)] / O.V. Sushkova. Moskva — Moscow , 2010. 233 s.

7. Chubukova S.G. Prakticheskie kriterii dlya kvalifikatsii adaptatsii programmnogo obespecheniya [Practical Criteria for Qualification of Software Adaptation] / S.G. Chubukova // Peterburgskiy pravovoy portal : sayt — Saint Petersburg Legal Portal : Website. 2021. January 27.

8. Mazzone M. Art, Creativity, and the Potential of Artificial Intelligence / M. Mazzone, A. Elgammal // Arts. 2019. Vol. 8. Is. 1. S. 26. URL: <https://doi.org/10.3390/arts8010026>

9. Wexler R. Life, Liberty, and Trade Secrets: IP in the Criminal Justice System / R. Wexler // Stanford Law Review. Vol. 70. S. 1343–1373.

Корпоративное управление в условиях глобальных изменений климата

Карцхия Александр Амиранович,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
доктор юридических наук, доцент
arhz50@mail.ru

Введение. Наблюдаемые в настоящее время глобальные изменения климата нашей планеты проявляются, прежде всего, в росте температуры на 1,1 °С в сравнении с доиндустриальным периодом и вызваны увеличением выбросов парниковых газов, повышением их концентрации в атмосфере Земли. За последнее десятилетие одним из центральных вопросов мировой политики и экономики стала так называемая климатическая повестка, предусматривающая поступательное введение ограничений в отношении негативного антропогенного влияния на окружающую среду, прежде всего темпов сдерживания глобального потепления климата планеты в целях достижения минимизации выбросов парниковых газов. Ключевой целью борьбы с изменением климата, в соответствии с Парижским соглашением по климату (2015 г.), является предотвращение экстремального повышения среднемировой температуры до уровня свыше 2 °С от доиндустриального уровня. Ратифицированное почти всеми странами — членами ООН (включая Российскую Федерацию) Парижское соглашение по климату предусматривает обязательства по сдерживанию роста или снижению эмиссии парниковых газов, хотя и не содержит количественных целей по сокращению или ограничению выбросов парниковых газов. Эти обязательства должны каждые 5 лет пересматриваться странами в сторону их ужесточения на последующий период.

На прошедшей в Глазго в ноябре 2021 г. 26-й Конференции ООН по вопросам изменения климата (COP26, Climate Change Conference) с участием почти 200 стран был подписан Климатический пакт (Glasgow Climate Pact), которым была подтверждена приверженность целям Парижского соглашения по климату, а также были финализованы правила и процедуры этого соглашения: страны достигли соглашения по оставшимся вопросам так называемого Парижского свода правил, представляющего собой комплекс процедур практической реализации Парижского соглашения, включая формирование углеродных рынков, обеспечивающих возможность странам, испытывающим трудности с достижением целевых показателей по выбросам, приобретать единицы сокращения выбросов у других стран, уже превысивших свои целевые показатели, а также

обеспечения транспарентности при установлении единых сроков и согласовании формата регулярных отчетов стран о достигнутом прогрессе. Кроме того, более чем 100 стран, включая Россию, договорились сотрудничать с целью остановить исчезновение лесов и обеспечить их восстановление к концу текущего десятилетия.

Влияние климатической повестки на корпоративное управление. К настоящему времени многие страны, ответственные за существенную часть глобальных выбросов парниковых газов, в том или ином виде установили цель по достижению углеродной нейтральности своих экономик к 2050–2060 гг. К их числу относятся США, КНР, Россия, Япония и другие страны. Россия уже перешла к системной позитивной работе в рамках глобальной климатической повестки и адаптации своего законодательства в этой сфере. В частности, в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года поставлена цель адаптировать российскую экономику к условиям глобального энергетического перехода, а также сократить выбросы парниковых газов и достигнуть углеродной нейтральности к 2060 г., как это определено Указом Президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов»¹.

Россия осуществляет в соответствии с Концепцией развития водородной энергетики в Российской Федерации² государственную политику в области климата, предусматривающую минимизацию выбросов парниковых газов в том числе за счет расширения внедрения наилучших доступных технологий и применения энергоносителей с низким углеродным следом. Вступивший в силу с 1 января 2022 г. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»³ устанавливает механизм государственного учета и ведение государственного реестра выбросов парниковых газов и их оборота, создаваемый в виде государственной информационной системы. Такая система реализа-

¹ СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7095.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 августа 2021 г. № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 33. Ст. 6124.

³ СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5124.

ции климатических проектов и учета имущественного оборота углеродных единиц будет включать сведения о реализуемых юридическими и физическими лицами, индивидуальными предпринимателями климатических проектах (комплекс мероприятий по сокращению/предотвращению выбросов парниковых газов), реестр учтенных, выпущенных в обращение, переданных другим лицам и зачете углеродных единиц. Правительством Российской Федерации (далее — Правительство РФ) устанавливается общероссийский целевой показатель сокращения выбросов парниковых газов и порядок ведения государственного учета таких выбросов, образуемых в результате деятельности регулируемых организаций, которые обязаны ежегодно представлять отчеты о массе выбросов парниковых газов, образовавшихся в результате хозяйственной и иной деятельности регулируемых организаций. В целях уменьшения углеродного следа владельцы углеродных учетных единиц вправе распоряжаться этими единицами, проводя зачет или передав их другим лицам, в том числе на условиях обмена товарами на свободном рынке. Правительством РФ также устанавливаются критерии оценки проектов устойчивого (зеленого) развития и требования к системе верификации таких проектов, которые включают в себя условия выпуска финансовых инструментов устойчивого развития (зеленых инвестиций) для создания или модернизации производств по обращению с отходами, инфраструктурных проектов генерации на возобновляемых источниках, а также критерии адаптационных проектов, направленных на модернизацию действующих производств по добыче полезных ископаемых, модернизацию очистных сооружений и т.д.

Предполагается, что создание системы правовых актов по климатической повестке, создание и реализация зеленых и адаптационных проектов позволит сформировать законодательную базу низкоуглеродной экономики и создать стимулы для перехода участников имущественного оборота на передовые экологические стандарты.

Ужесточение требований к углеродоемкости продукции и формирование «зеленого» инвестирования сопровождается развитием законодательства в области низкоуглеродной (зеленой) экономики и в странах Евросоюза, США, Азиатско-Тихоокеанского региона и других. Так, в 2019 г. Европейская комиссия одобрила новую климатическую стратегию Евросоюза — «Европейский курс» (EU Green Deal), направленную на эффективное использование ресурсов в целях сдерживания изменения климата, снижения уровня загрязнения для достижения главной стратегической цели — 100% климатической нейтральности (нулевых нетто-выбросов всех парниковых газов государствами ЕС с 2050 г.) Документ определяет цели формирования циркуляционной экономики и мобилизации для этого европейского бизнеса, условия получения чистых источников энергии и

окружающей среды, свободной от токсичных веществ, предусматривает создание Европейского климатического права, основой которого стал Европейский закон о климате (Europe Climate Law, 2021 г.). Этот закон призван стать правовой базой для климатического законодательства стран ЕС и предусматривает требования по достижению сокращения выбросов парниковых газов в 2030 г. на уровне 55% от уровня 1990 г. Для достижения этого показателя предусмотрены меры по использованию так называемых поглотителей углерода, т.е. систем, которые поглощают больше углерода, чем выделяют (например, лесные массивы). Кроме того, будет установлен бюджет «зеленых» домохозяйств и также будет предложен аналогичный целевой показатель на 2040 г. Закон также предусматривает создание Европейского научно-консультативного совета по изменению климата (European Scientific Advisory Board on Climate Change).

Европейское законодательство о климате обеспечивает основу для принятия пакета других законов и нормативных актов в рамках Евросоюза, его государств-членов, а также европейских компаний. Кроме того, европейское законодательство о климате вводит меры по мониторингу процесса декарбонизации экономики и предоставляет контрольные полномочия Еврокомиссии в этих вопросах. В частности, в 2021 г. Европейская комиссия представила амбициозный климатический пакет документов «Достойно 55» (Fit for 55), который включает в себя комплекс мер по борьбе с изменением климата и радикальному сокращению выбросов CO₂, включая: (1) пересмотр Системы торговли выбросами (Emissions Trading System — ETS), которая устанавливает более строгий подход в сфере авиации за счет постепенного отказа от распределения субсидий. Кроме того, ETS будет распространена на другие секторы экономики, включая морской и автомобильный транспорт, а также строительство; (2) предусматривается введение нового механизма корректировки углеродных границ (Carbon Border Adjustment Mechanism — CBAM): взимание налога на выбросы углерода на границе, что повысит цены на некоторые импортные товары; (3) предусмотрено введение более строгих стандартов выбросов CO₂ для легковых автомобилей и грузовиков, что рассчитано на стимулирование использования более чистых автомобилей и переход на электроавтомобили. С помощью таких, более строгих стандартов выбросов CO₂ Европейская комиссия хочет гарантировать, что к 2035 г. новые автомобили больше не будут выделять CO₂; (4) предусмотрено строительство новой инфраструктуры для альтернативных видов топлива, включая необходимые зарядные станции; (5) вводятся новые правила об экологически чистом авиационном топливе (современное биотопливо и электротопливо — ReFuelEU), способном значительно сократить выбросы воздушных судов; (6) устанавливаются новые правила,

касающиеся более чистого морского топлива (*FuelEU Maritime*) и направленные на расширение использования устойчивых альтернативных видов топлива в европейских морских перевозках и портах; (7) предусмотрено создание нового Фонда социального климата (*Social Climate Fund*) и укрепление существующих фондов модернизации и инноваций.

В дополнение к этому Европейская комиссия внесла ряд законодательных предложений по обновлению и пересмотру директив и правил, относящихся к программе Fit for 55, включая, в частности, Директиву 2003/96/ЕС о реструктуризации рамок Сообщества для налогообложения, энергетических продуктов и электроэнергии, Постановление 2018/842 об обязательном ежегодном сокращении выбросов парниковых газов государствами-членами с 2021 по 2030 г., способствующее действиям в области климата, Постановление 2018/841 о включении выбросов и абсорбции парниковых газов в результате землепользования, изменений в землепользовании и лесного хозяйства в рамки климата и энергетики на период до 2030 г., Директиву 2018/2001/III о поощрении использования энергии из возобновляемых источников, а также Директиву 2018/2002 об энергоэффективности.

В США на основе федерального Закона об американском восстановлении и реинвестировании (*The American Recovery and Reinvestment Act, 2009*) провозглашен курс (*“Green New Deal” style legislation*) на переход национального бизнеса к максимальному использованию возобновляемых источников энергии с нулевым уровнем выбросов, модернизацию промышленности с повышением ее энергоэффективности, декарбонацию промышленности и транспорта, переходом на ВИЭ, а также создание новых высокооплачиваемых рабочих мест⁴. Последние годы в США развивается рынок зеленых финансовых инструментов, в частности деривативов ESG, связанных с экологическими, социальными и управленческими целями, играющими ключевую роль в продвижении целей ESG на финансовых рынках и глобальном переходе к зеленой экономике.

Тем не менее многочисленные попытки принять в США единый федеральный закон по климату не привели к успеху, но принят план по чистой энергетике (*The New Energy for America Plan*), который реализуется через *The American Recovery and Reinvestment Act 2009*, а также программу *Property-Assessed Clean Energy (PACE)*. В ряде штатов действуют законы по вопросам климата и снижения углеродных выбросов. Так, в штате Иллинойс в дополнение к Закону о рабочих местах энергетике будущего (*Future Energy Jobs Act, 2016*) в сентябре 2021 г. принят объемный Закон о климате и соответствующих рабочих местах (*Climate and Equitable Jobs Act, CEJA*). В штате Нью-Йорк

действует Закон о климатическом руководстве и защите общин (*The Climate Leadership and Community Protection Act, CLCPA, 2019*), а штат Вашингтон в 2020 г. принял Закон об обязательствах в области климата (*Climate Commitment Act*)⁵. Все эти законы ограничивают углеродные выбросы для крупнейших источников и отраслей промышленности штата, нацеливая предприятия на поиск наиболее эффективных путей снижения выбросов углерода, определяют порядок учета и аукционной продажи квот на выбросы для поддержания новых инвестиций в программы устойчивости к изменению климата, экологически чистый транспорт. Основная цель регулирования — ликвидация выбросов углекислого газа к 2045 г. и сделать сам штат чистым (углеродно-нейтральным) к 2050 г. В городе Нью-Йорке принят свод законов, известный как Закон о мобилизации климата (*Climate Mobilization Act, 2019*), также направленный на сокращение выбросов парниковых газов зданий Нью-Йорка на 80% к 2050 г. и на 40% к 2030 г. применительно к коммерческим и жилым зданиям города.

Правоприменительная практика тем временем вносит свою лепту в становление правового регулирования вопросов климатической повестки. Так, в ФРГ компания *Deutsche Umwelthilfe (DUH)* и *Greenpeace* в сентябре 2021 г. подали иски против компаний *BMW* и *Mercedes-Benz* в немецкие суды с требованием обязать производителей автомобилей прекратить все продажи двигателей внутреннего сгорания и гибридных автомобилей по всему миру после 31 октября 2030 г., если они не смогут доказать нейтральность парниковых газов для своих автомобилей в настоящее время, и ограничить продажи двигателей внутреннего сгорания и гибридных автомобилей по всему миру с 1 января 2022 г. по 31 октября 2030 г. совокупным общим объемом выбросов в 604 млн т CO₂ (*BMW*) и 511 млн т CO₂ (*Mercedes-Benz*), если компании не докажут нейтральность парниковых газов для объемов, выбрасываемых за пределы этих пределов. Это первые судебные иски против частных компаний, связанные с последствиями климатических изменений, направленные на снижение углеродных выбросов в Германии, как попытка построить судебную защиту на основе решение Федерального Конституционного суда Германии по Федеральному закону об охране климата, который установил противоречие основным правам человека на том основании, что производители автомобилей нарушают права будущих поколений, не ужесточая свои целевые показатели выбросов углерода и отказываясь полностью взять на себя обязательство прекратить производство автомобилей, работающих на ископаемом топливе, к 2030 г. Решение немецких судов по существу этого иска, несомненно, окажет существенное влияние на будущие судебные разбирательства по вопросам

⁴ URL: <https://www.state.gov/policy-issues/climate-and-environment/>

⁵ URL: <https://ecology.wa.gov/Air-Climate/Climate-change/Tracking-greenhouse-gases>

изменения климата в Германии и других европейских странах.

Показателен и другой пример: объектом требований со стороны экоактивистов в лице нидерландского подразделения движения «Друзья Земли», нескольких тысяч граждан и шести других общественных организаций стала нефтяная транснациональная корпорация Royal Dutch Shell, в отношении которой в мае 2021 г. суд первой инстанции Гааги (Нидерланды) постановил, что Royal Dutch Shell несет частичную ответственность за изменение климата, и обязал нефтяную компанию сократить объем вредных выбросов на 45% к 2030 г.⁶, даже несмотря на то что компания объявила об ускорении процесса снижения объемов выбросов углекислого газа в атмосферу на 20% к 2030 г. по сравнению с 2016 г., на 45% — к 2035 г. и на 100% — к 2050 г. Суд обязал транснациональную корпорацию выделять меньше CO₂ ради сохранения климата.

В последние годы ведущие компании нефтегазового сектора (BP, Shell, Total, ENI, а также российские Газпром, Роснефть, Лукойл) повсеместно активно внедряют новейшие технологии и организационные мероприятия декарбонизации производственных процессов, модернизируют системы корпоративного управления, определяют стратегии и критерии показателей декарбонизации, системы экологического мониторинга, независимого аудита и введения механизмов климатической отчетности в связи с выбросами парниковых газов и формированием так называемого углеродного следа.

Корпоративное управление с учетом стратегии декарбонизации, как правило, включающей: (1) операционные методы декарбонизации: повышение операционной эффективности для снижения производственных издержек и сокращения углеродного следа; переработку, повторное использование и утилизацию вторичных энергетических ресурсов; повышение энергоэффективности, прежде всего за счет рационального использования энергоресурсов предприятиями; переход на низкоуглеродные источники энергоснабжения предприятий отрасли; (2) корпоративные методы декарбонизации: оптимизация портфеля активов путем отказа от непривлекательных углеродоемких активов; методы слияния и поглощения в целях улучшения качества активов и диверсификации нового, менее углеродоемкого бизнеса; реструктуризация, развитие нефтегазохимического бизнеса и создание корпоративных инновационных венчурных фондов по технологиям в области снижения утечек метана, CCUS, водородных технологий и др., а также промышленная кооперация в области НИОКР, венчурных инвестиций и пилотных проектов глубокой декарбонизации; использование углеродных кредитов и зеленых инвестиций; глубокая декарбонизация

и применение современных технологий улавливания, утилизации и хранения (захоронения) углерода, а также широкого применения водорода в качестве топлива в различных сферах экономики⁷.

В последние годы получило широкое распространение так называемое устойчивое инвестирование на основе корпоративных ESG-облигаций, которые охватывают «зеленые» и «социальные» облигации для привлечения капитала, используемого для реализации экологических ответственных проектов. Так, ПАО «РЖД» разместило в 2020 г. «зеленые облигации» на 500 млн евро для обновления парка электровозов, а в 2021 г. Правительство Москвы разместило облигации на 70 млрд руб. для финансирования высокотехнологичных и экологических проектов по развитию городского наземного электротранспорта и метрополитена. За последние годы количество выпусков корпоративных зеленых облигаций в странах мира продолжает расти, поскольку как государственные, так и частные эмитенты пытаются продемонстрировать своим инвесторам повышенную экологическую и социальную сознательность.

Вместе с тем, по мнению экспертов компании Ernst & Young (EY), декарбонизация мира послужит инструментом конкурентной борьбы против российских компаний и без участия государства российскому бизнесу с эти не справиться⁸.

В мире уже имеются передовые технологии декарбонизации промышленности и энергетического сектора с помощью ветра и солнца, электрификации легковых и грузовых автомобилей, отказа от использования нефти и газа в жилых и производственных зданиях и производства чистого водорода. Сейчас необходимы общее решение и коллективная воля к внедрению этих новых технологий в темпах и масштабах, необходимых для сокращения выбросов углерода, и для этого и правительства, и частный бизнес должны сыграть свою роль в содействии в достижении заявленных целей.

Правовые аспекты глобальной климатической повестки масштаба международно-правового и национального регулирования, способы адаптации права в условиях «зеленой», низкоуглеродной экономики и перспективы дальнейшего развития механизмов воздействия на парниковый эффект нашей планеты находят широкое обсуждение в научном мире⁹. Основу правового регулирования

⁷ Декарбонизация в нефтегазовой отрасли: международный опыт и приоритеты России / Е. Грушевенко, С. Капитонов, Ю. Мельников и др. ; под ред. Т. Митровой, И. Гайда. Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО, 2021. С. 9–10, 12–13.

⁸ Белоглазова О., Порядин А., Козловский А., Ларин А. Нефтегазовая отрасль СНГ и глобальная климатическая повестка // E&Y. 2021. URL: https://www.ey.com/ru_ru/oil-gas/cis-oil-gas-industry-and-global-climate-agenda

⁹ Право и климат планеты : научное издание / колл. авт. ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.А. Боголюбов, Н.В. Кичигин. М. : Юстиция, 2020. С. 21–33 ; Карцхия А.А. Законодательство о климате в условиях энергоперехода к низкоуглеродной экономике // Мониторинг правоприменения. 2021. № 4. С. 49–55.

⁶ URL: https://www.wsj.com/articles/shell-ordered-by-dutch-court-to-cut-carbon-emissions-11622038961?mod=hp_lead_pos1

в сфере зеленой экономики, как справедливо отмечает Е.В. Новикова¹⁰, составляют акты комплексного характера, которые относятся к экологическому, финансовому и энергетическому праву, создавая совокупность норм как национального, так и международного права. При этом автор признает всевозрастающую роль частноправовых отношений, горизонтальных правоотношений в сфере зеленых прав и экономики.

Заключение. С точки зрения автора, формируется новая сфера правового регулирования, обладающая комплексным характером и имеющая предметом регулирования сферу отношений по защите климата планеты от разнообразных факторов негативного воздействия, ограничению выбросов парниковых газов и регулированию так называемого углеродного следа, включая деятельность человека, а также способов коммерциализации новых объектов имущественного оборота в виде углеродных единиц. При этом все участники климатического процесса должны находиться в равном правовом положении без искусственно создаваемых препятствий и барьеров реализации целей и задач, предусмотренных Парижским соглашением по климату и финализированным на 26-й конференции ООН по климату в Глазго (Glasgow, COP26), для поэтапного достижения углеродной нейтральности и провозглашенных ООН целей устойчивого развития без различного рода санкций или рестрикций, препятствующих совместной работе стран и частных компаний над преодолением глобальных климатических вызовов.

Развитие «зеленой» и низкоуглеродной экономики, как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹¹, становится главным вопросом в международной повестке дня, а одним из факторов усиления международной напряженности и возникновения конфликтов между государствами — возрастающая конкуренция за доступ к природным ресурсам.

Учитывая все вышесказанное, в настоящее время можно говорить о формировании новой области безопасности — климатической безопасности, которая рассматривается как один из приоритетов общей системы международной и национальной безопасности. Более того, учитывая необходимость защиты как национальных интересов в глобальной климатической повестке, так и интересов отечественных компаний в транснациональных экономических связях в условиях низкоуглеродной экономики, со всей очевидностью встает вопрос защиты национального суверенитета России в сфере глобальной климатической повестки — национального климатического

суверенитета в рамках декларирования и защиты государственного суверенитета в этих вопросах.

Литература

1. Белоглазова О. Нефтегазовая отрасль СНГ и глобальная климатическая повестка / О. Белоглазова, А. Порядин, А. Козловский, А. Ларин // E&Y. 2021. URL: https://www.ey.com/ru_ru/oil-gas/cis-oil-gas-industry-and-global-climate-agenda
2. Декарбонизация в нефтегазовой отрасли: международный опыт и приоритеты России / Е. Грушевенко, С. Капитонов, Ю. Мельников [и др.] ; под редакцией Т. Митровой, И. Гайда. Центр энергетике Московской школы управления SKOLKOVO, 2021. 158 с.
3. Карцхия А.А. Законодательство о климате в условиях энергоперехода к низкоуглеродной экономике / А.А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. 2021. № 4. С. 49–55.
4. Новикова Е.В. Зеленая экономика и зеленое право: мировые тенденции / Е.В. Новикова // Экологическое право. 2020. № 3. С. 13–19.
5. Право и климат планеты : научное издание / коллектив авторов ; ответственные редакторы Ю.А. Тихомиров, С.А. Боголюбов, Н.В. Кичигин. Москва : Юстиция, 2020. 173 с.

References

1. Beloglazova O. Neftegazovaya otasl SNG i globalnaya klimaticheskaya povestka [The CIS Oil and Gas Industry and the Global Climate Agenda] / O. Beloglazova, A. Poryadin, A. Kozlovsky, A. Larin // E&Y — E&Y. 2021. URL: https://www.ey.com/ru_ru/oil-gas/cis-oil-gas-industry-and-global-climate-agenda
2. Dekarbonizatsiya v neftegazovoy otrasli: mezhdunarodny'y opyt' i priority' Rossii ; pod redaktsiyey T. Mitrovoy, I. Gayda [Decarbonization in the Oil and Gas Industry: International Experience and Russian Priorities ; edited by T. Mitrova, I. Gayda] / E. Grushevenko, S. Kapitonov, Yu. Melnikov [i dr.]. Tsentr energetiki Moskovskoy shkoly' upravleniya SKOLKOVO — Center for Energetics of the SKOLKOVO Moscow School of Management, 2021. 158 s.
3. Kartskhiya A.A. Zakonodatelstvo o klimate v usloviyakh energoperekhoda k nizkouglerodnoy ekonomike [Climate Laws in Conditions of the Energy Transition to the Low-Carbon Economy] / A.A. Kartskhiya // Monitoring pravoprimereniya — Monitoring of Law Enforcement. 2021. № 4. S. 49–55.
4. Novikova E.V. Zelenaya ekonomika i zelenoe pravo: mirovy'e tendentsii [Green Economy and Green Law: World Tendencies] / E.V. Novikova // Ekologicheskoe pravo — Environmental Law. 2020. № 3. S. 13–19.
5. Pravo i klimat planety' : nauchnoe izdanie ; kollektiv avtorov ; otvetstvenny'e redaktory' Yu.A. Tikhomirov, S.A. Bogolyubov, N.V. Kichigin [Law and Climate of the Planet : scientific edition ; group of authors ; publishing editors Yu.A. Tikhomirov, S.A. Bogolyubov, N.V. Kichigin]. Moskva : Yustitsiya — Moscow : Justice, 2020. 173 s.

¹⁰ Новикова Е.В. Зеленая экономика и зеленое право: мировые тенденции // Экологическое право. 2020. № 3. С. 18. DOI: 10.18572/1812-3775-2020-3-13-19

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Неоплата доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как основание утраты статуса участника

Маврина Юлия Федоровна,

аспирант кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права
Юридического факультета имени М.М. Сперанского
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
mavrinasamara@gmail.com

Развитие российского корпоративного законодательства не стоит на месте, так, летом 2021 г. в Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ (далее — Закон № 14-ФЗ) были внесены изменения, касающиеся положений о выходе участника из ООО, согласно которым полномочия по уведомлению налогового органа и общества о состоявшемся выходе были переданы нотариусу. Таким образом, была решена существовавшая ранее проблема, заключающаяся в том, что после написания заявления о выходе вышедший участник мог долгое время оставаться в реестре в качестве участника и никаким образом не мог повлиять на содержание в ЕГРЮЛ сведений о своем участии в ООО. В настоящий момент всю процедуру, связанную с выходом участника из ООО, сопровождает нотариус: он принимает нотариально удостоверенное заявление о выходе участника из ООО, заполняет и направляет в налоговый орган заявление по форме Р13014², уведомляет хозяйственное общество о выходе участника из него.

Вместе с тем в настоящее время в законодательстве об ООО продолжают сохраняться ситуации, требующие практической и теоретической проработки, при которых участник не может повлиять на изменение сведений, которые не соответствуют действительности и содержатся в ЕГРЮЛ.

Целью настоящего исследования является рассмотрение одного из таких примеров — прекращение членства в корпорации в результате неоплаты доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в установленный срок, анализ правовых последствий такой неоплаты.

Пунктом 1 ст. 16 Закона № 14-ФЗ установлена обязанность оплатить свою долю в уставном капитале в течение срока, установленного договором или решением об учреждении общества. При этом срок такой оплаты не может превышать четырех месяцев.

Последствием неоплаты в указанный срок доли в уставном капитале, согласно п. 3. ст. 16 Закона № 14-ФЗ, является переход доли в неоплаченной части к обществу. Такая часть доли должна быть реализована ООО в порядке, установленном названным Законом, не позднее одного года со дня перехода доли к ООО.

Моментом перехода неоплаченной доли или части доли, в силу абз. 4 п. 7 ст. 23 Закона № 14-ФЗ, является дата истечения срока для оплаты доли в уставном капитале общества.

В законодательстве четко определены сроки для совершения действий со стороны ООО и его органов в случае неоплаты доли в уставном капитале со стороны участника. Так, для уведомления налогового органа о переходе доли в уставном капитале неоплатившего участника ООО к хозяйственному обществу Законом № 14-ФЗ установлен месячный срок (п. 6 ст. 24 Закона № 14-ФЗ). Для принятия решения о распоряжении долей такого участника — один год со дня перехода доли к ООО (п. 3. ст. 16 Закона № 14-ФЗ). Однако правовые последствия нарушения таких сроков законодательством не установлены, что влечет на практике правовую неопределенность и необходимость обращения в суд за защитой нарушенных прав и законных интересов.

В качестве примера можно привести фактуру дела, приведенную в п. 1.2 письма Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 30 марта 2017 г. № ГД-4-14/5914@ «О направлении «Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 1 (2017)». В рассматриваемом деле налоговым органом было отказано во внесении изменений в ЕГРЮЛ о составе участников в том числе ввиду пропуска месячного срока для подачи документов для государственной регистрации. Судом указанное решение признано незаконным с указанием на то,

¹ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

² Форма Р13014 утверждена Приказом Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» (зарег. в Министерстве юстиции Российской Федерации 15.09.2020 № 59872) // СПС «КонсультантПлюс».

что пропуск срока не указан в законе в качестве оснований для отказа в государственной регистрации соответствующих изменений.

Следует отметить, что на практике случаи неправомерного отказа в государственной регистрации изменений по-прежнему встречаются, что, на наш взгляд, требует внесения изменений в законодательство в части конкретизации процедуры и последствий нарушения соответствующего срока для уведомления регистрирующего органа. В частности, полагаем, что для исключения подобных ситуаций целесообразно дополнить п. 6 ст. 24 Закона № 14-ФЗ прямым указанием на то, что пропуск указанного срока не является основанием для отказа в государственной регистрации соответствующих изменений. Вместе с тем для стимулирования участников корпоративных отношений к надлежащему исполнению требований законодательства об ООО в противовес предлагаемой поправке требуется установление административной ответственности за такое нарушение в виде штрафа.

Второй срок, пропуск которого вызывает большое количество вопросов и разногласий, установлен п. 3 ст. 16 Закона № 14-ФЗ. Согласно закрепленным в названной статье правилам неоплаченная часть доли должна быть реализована обществом в течение года с момента перехода доли к ООО.

Не распределенная или не проданная в установленный вышеназванной статьей срок доля или часть доли в уставном капитале общества должна быть погашена, и размер уставного капитала общества должен быть уменьшен на величину номинальной стоимости этой доли или этой части доли (п. 5 ст. 24 Закона № 14-ФЗ).

Таким образом, правовым последствием не совершения действий по распоряжению долей, принадлежащей ООО, является ее погашение. В этом случае общим собранием участников должно быть принято решение о погашении доли в уставном капитале и уменьшении уставного капитала на величину доли участника, не оплатившего свою долю (п. 5 ст. 24 Закона № 14-ФЗ). При этом следует иметь в виду, что решение будет приниматься без учета голосов последнего (ст. 16 Закона № 14-ФЗ) и общества (п. 1 ст. 24 Закона № 14-ФЗ).

Несмотря на достаточно четкий и понятный алгоритм действий участников и бывших участников, установленный ст. 16 Закона № 14-ФЗ, на практике его реализация вызывает большое количество вопросов.

При неоплате доли участником общества одним из самых распространенных ошибочных действий со стороны оставшихся участников является исключение участника из ООО на основании решения общего собрания или посредством подачи иска в суд. Однако такой способ защиты права противоречит действующему законодательству,

научным воззрениям³ и отвергается сложившейся правоприменительной практикой. Ведь согласно п. 7 ст. 23 Закона № 14-ФЗ субъект уже утратил статус участника и исключить его не представляется возможным. В законе предусмотрены специальные правовые последствия в виде перехода неоплаченной доли к обществу. Следуя этой логике, выход из общества также невозможен по причине прекращения статуса участника на основании закона.

В качестве примера можно привести разъяснения, приведенные в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 24 мая 2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью», а также судебные постановления отдельных судебных инстанций⁴. Вышеприведенная судебная практика свидетельствует о том, что основанием для прекращения членства в ООО является юридический факт: бездействие, выражающееся в несовершении обязанным лицом определенных законом действий в установленный срок (неоплате доли).

Следует отметить, что классическое деление юридических фактов на действия (правомерные и неправомерные) и события не предусматривает такого юридического факта, как бездействие⁵. Вместе с тем авторами, в частности О.А. Красавчиковым, упоминается бездействие в качестве отрицательного юридического факта применительно к классификации юридических фактов на положительные и отрицательные⁶. По мнению А.Я. Рыженкова, бездействие относится к неправомерным действиям⁷. Соглашаясь с приведенной доктринальной и судебной позицией по отнесению бездействия к юридическим фактам и рассматривая его в рамках противоправных действий, считаем, что неоплату доли в уставном капитале ООО в установленный срок можно отнести к противоправным действиям, так как субъект не совершил должного, что влечет за собой прекращение членства и, соответственно, прекращение корпоративного отношения.

Применительно к последствиям пропуска установленного в законе срока по распоряжению

³ Ломакин Д.В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2021. № 2. С. 3–12.

⁴ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13 марта 2020 г. № Ф01-8056/2019 по делу № А79-10691/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др. ; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. Т. 1 ; Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Юридическая литература, 1958. С. 82.

⁶ Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 92, 100.

⁷ Рыженков А. Я. Структурная модель юридического факта в гражданском праве // Современное право. 2021. № 6.

долей можно обозначить еще один вопрос: возможна ли последующая оплата доли за пределами, установленного срока? Исходя из момента перехода доли к обществу, установленных п. 7 ст. 23 Закона № 14-ФЗ и вышеприведенных примеров из судебной практики, можно сделать вывод об отсутствии такой возможности.

Интересной представляется позиция, отраженная в Постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 7 октября 2019 г. № 01АП-3285/2019 по делу № А79-10691/2018. В этом деле суд указал: «...основанием для перехода доли к обществу является факт истечения срока, предусмотренного корпоративным Законом или уставом общества для оплаты доли уставного капитала. Так как доля в неоплаченной части переходит к обществу на основании закона, то есть автоматически, то учредителю или обществу нет необходимости издавать какой-либо акт о таком переходе либо заручаться судебным актом». Аналогичная позиция подтверждается многочисленной судебной практикой⁸. Более того, даже в случае последующей оплаты участником своей доли за пределами срока его статус не может быть восстановлен⁹.

Вместе с тем следует обратить внимание на альтернативную судебную практику¹⁰, сформированную на основании позиции, высказанной в Постановлении Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 12614/12 по делу № А42-6169/2011, согласно которой «если в указанные в статье 24 Закона № 14-ФЗ сроки общество с ограниченной ответственностью не распорядилось долей учредителя ООО, не оплатившего долю, и не представило регистрационному органу документы для государственной регистрации соответствующих изменений в учредительных документах и эти обязанности не исполнены в течение общего срока исковой давности, то отсутствуют основания для лишения в последующем учредителя общества с ограниченной ответственности его доли».

⁸ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2021 г. № 11АП-146/2021 по делу № А65-33432/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 мая 2017 г. № Ф02-1631/2017 по делу № А78-5761/2016; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26 марта 2018 г. № Ф10-804/2018 по делу № А14-11454/2017; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2017 г. № 306-ЭС17-15182 по делу № А06-8666/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 сентября 2015 г. № Ф05-12894/2015 по делу № А40-209328/14; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 января 2021 г. № 09АП-67733/2020 по делу № А40-124073/2020; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 ноября 2019 г. № Ф04-4717/2019 по делу № А03-13729/2016; Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № КВ-4-14/10747@ «О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2021)» // СПС «КонсультантПлюс».

В результате изучения приведенных судебных актов усматривается явное противоречие: с одной стороны, судами указывается на утрату участником своего статуса и невозможность возвращения ему доли в случае неоплаты, а с другой стороны, признание за таким участником его статуса в случае истечения общего срока исковой давности и фактического осуществления функций участника в период после истечения установленного законом срока для оплаты доли.

То есть в результате вышеприведенного анализа можно говорить об отсутствии безусловности момента перехода доли к обществу в результате ее неоплаты. Существенное значение при разрешении спора о праве собственности на долю в уставном капитале приобретает поведение участника и установление обстоятельств участия его в деятельности ООО и фактическое признание участником со стороны иных членов корпорации. Надо сказать, что подобное все же создает правовую неопределенность, в том числе для других собственников бизнеса, которая в дальнейшем может повлечь множество споров, включая вопросы привлечения к ответственности по обязательствам корпорации, и, на наш взгляд, требует дополнительного правового регулирования и разработки механизмов, позволяющих исключить дихотомию корпоративного статуса участника.

Из приведенных примеров видно, что невнесение в ЕГРЮЛ в установленном порядке сведений о переходе доли к обществу позволяет участнику, фактически утратившему свой статус, продолжать действовать в таком качестве в отношениях с третьими лицами, так как в реестре информация о нем как об участнике продолжает содержаться.

Правовую неопределенность и возможности для различного рода злоупотреблений создает то, что достоверной информацией о факте оплаты или неоплаты обладает лишь общество, для третьих лиц такая информация недоступна.

В случае если решение по распоряжению неоплаченной доли оставшимися участниками ООО не принимается, сам участник ООО, не оплативший долю или часть доли в уставном капитале, не может обратиться в налоговый орган либо к нотариусу для сообщения сведений о переходе его доли или части доли в уставном капитале к обществу.

В судебной практике также можно встретить такие способы защиты права участника, не оплатившего свою долю, как обращение в суд с заявлением о приведении в соответствие учредительных документов, обязанности погасить долю, принадлежащую ООО, однако в удовлетворении таких требований суды отказывают по причине того, что решение указанных вопросов относится к исключительной компетенции общего собрания¹¹.

¹¹ Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2009 г. № ВАС-16376/09 по делу № А71-1750/2008-Г1 // СПС «КонсультантПлюс».

Единственным способом защиты права участника (исключения недостоверных сведений об участнике), не оплатившего свою долю, сегодня является предоставление в регистрирующий орган заявления о недостоверности сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ, в порядке п. 4.2 ст. 9 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Вместе с тем подача названного заявления не гарантирует внесения достоверных сведений в ЕГРЮЛ, так как, во-первых, в таком случае налоговым органом должна быть проведена проверка, сроки которой законодательством не определены, что займет значительное количество времени, а во-вторых, результатом такой проверки будет являться внесение записи о недостоверности сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ. Таким образом, установленный механизм не позволит отразить сведения о переходе доли к ООО, а лишь может побудить оставшихся участников к совершению действий по внесению соответствующих изменений.

Наличие многочисленной судебной практики по спорам, связанным с определением судьбы доли в уставном капитале не оплатившего ее участника, свидетельствует о невозможности урегулирования возникших разногласий внутри корпорации и, как следствие, о наличии корпоративного конфликта, а также явствует об остроте проблемы. Такие вопросы, на наш взгляд, возникают по причине отсутствия в законодательстве понятного механизма фиксации факта прекращения участия не оплатившего долю в уставном капитале участника, а также перехода доли к ООО, в результате чего зачастую защита прав субъектов корпоративных отношений возможна исключительно в судебном порядке.

На наш взгляд, неисполнение и игнорирование императивно установленных обязанностей не должно поощряться, так как это может привести к дальнейшим злоупотреблениям и вносит хаос в стабильность корпоративных правоотношений.

Для устранения описанных спорных ситуаций предлагается наделить участника, не оплатившего свою долю в уставном капитале, правом на уведомление регистрирующего органа о переходе доли к ООО по аналогии с процедурой, установленной для выхода участника из общества, посредством обращения к нотариусу, которым и будет подано соответствующее заявление в налоговый орган.

Установление в законе такого механизма позволит существенным образом снизить количество судебных споров и разногласий между участниками и бывшими участниками ООО.

Литература

1. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. Москва : Юридическая литература, 1958. 183 с.
2. Ломакин Д.В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью / Д.В. Ломакин // Гражданское право. 2021. № 2. С. 3–12.
3. Российское гражданское право. В 2 томах. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права : учебник / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2011. 956 с.
4. Рыженков А.Я. Структурная модель юридического факта в гражданском праве / А.Я. Рыженков // Современное право. 2021. № 6. С. 66–70.

References

1. Krasavchikov O.A. Yuridicheskie fakty` v sovetskom grazhdanskom prave [Legal Facts in Soviet Civil Law] / O.A. Krasavchikov. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1958. 183 s.
2. Lomakin D.V. Obschaya kharakteristika prav i obyazannostey uchastnikov obschestva s ogranichennoy otvetstvennostyu [General Characteristics of Rights and Obligations of Limited Liability Company Members] / D.V. Lomakin // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2021. № 2. S. 3–12.
3. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo. V 2 tomakh. T. 1. Obschaya chast. Veshnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektualny`e prava. Lichny`e neimuschestvenny`e prava : uchebnik ; otvetstvenny`y redaktor E.A. Sukhanov. 2-e izd., stereotip. [Russian Civil Law. In 2 volumes. Vol. 1. The General Part. The Real Right. The Inheritance Right. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights : textbook ; publishing editor E.A. Sukhanov. 2nd edition, stereotyped] / V.S. Em, I.A. Zenin, N.V. Kozlova [i dr.]. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2011. 956 s.
4. Ryzhenkov A.Ya. Strukturnaya model yuridicheskogo fakta v grazhdanskom prave [The Structural Model of a Legal Fact in Civil Law] / A.Ya. Ryzhenkov // Sovremennoe pravo — Modern Law. 2021. № 6. S. 66–70.

Проблема правовой неопределенности в случаях применения реквизиции в целях ликвидации очагов распространения инфекционных заболеваний

Чельшева Наталия Юрьевна,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса Уральского института управления (филиала)
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
chelysheva@list.ru

С момента принятия Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) до настоящего времени российский законодатель практически не обращал внимания на вопросы правового регулирования принудительного изъятия имущества у частных собственников в целях ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (ст. 242 ГК РФ). Правовые нормы, детально регламентирующие процедуру принудительного выкупа, расчеты с собственником и иные ключевые вопросы принудительного изъятия имущества у собственника в условиях чрезвычайных ситуаций, до настоящего времени отсутствуют.

8 июля 2021 г. Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) признал не соответствующими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положение п. 1 ст. 242 ГК РФ, содержащее определение реквизиции, а также положение абз. 2 п. 2 ст. 1083 ГК РФ о последствиях грубой неосторожности потерпевшего в случае причинения вреда¹ как порождающие правовую неопределенность в вопросе обоснования выплаты собственнику стоимости изъятого имущества.

Обращению в Конституционный Суд РФ предшествовало распространение эпизоотии в свиноводческом хозяйстве, принадлежащем ООО «Комплекс», вследствие которого органами исполнительной власти Тюменской области (по месту распространения заболевания) был установлен карантин и принято распоряжение о принудительном изъятии животных. Во исполнение соответствующих документов у собственника изъято несколько тонн продуктов животноводства. В возмещение ущерба собственнику отказано в связи с выявлением фактов нарушения им самим ветеринарно-санитарных правил, повлекшего распространение эпизоотии.

При обращении в Конституционный Суд РФ собственник обратил внимание на то, что подобная интерпретация приводит к необоснованному смешиванию понятий «реквизиция» и «конфискация», на различие которых прямо указано в ст. 242 и 243 ГК РФ. Из содержания ст. 242 ГК РФ обязательная выплата компенсации собственнику изъятого имущества производится в безусловном порядке и не поставлена в зависимость от действий (бездействия) самого собственника, способствовавших наступлению чрезвычайных обстоятельств. Более того, отказ

в выплате компенсации собственнику также обосновывается судами ссылкой на ст. 1083 ГК РФ об учете вины потерпевшего в деликтных обязательствах, которые сами по себе составляют другой вид гражданско-правовых отношений относительно реквизиции. Таким образом, сложившаяся ситуация в целом свидетельствует о наличии правовой неопределенности в ситуации принудительного изъятия имущества у собственника в целях предотвращения распространения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Итогом заседания Конституционного Суда РФ стало признание необходимости внесения изменений в действующее законодательство в части регламентации порядка выплаты собственнику стоимости изъятого имущества, в том числе внесения правовой ясности в вопрос юридической значимости допущенного факта грубой неосторожности самим собственником. Только после внесения изменений в действующее законодательство возможно разрешение вопроса о выплате ООО «Комплекс» компенсации за изъятых животных. Таким образом, вопрос правовой неопределенности продолжает сохраняться к настоящему моменту.

Полагаем, что подходы к разрешению поставленного вопроса могут быть сформулированы по результатам определения правовой природы реквизиции.

Сам термин «реквизиция» появился в гражданском законодательстве России в годы Первой мировой войны².

В первые годы установления советской власти реквизицией считалось применяемое в силу государственной необходимости принудительное возмездное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных физических и юридических лиц³.

Основание реквизиции составляет три правообразующих юридических факта.

Во-первых, событие чрезвычайного характера, в результате которого компетентные органы власти вправе принять решение о реквизиции необходимого имущества⁴. В то же время правоприменительной практикой сформулирован тезис о том, что факт гибели или уничтожения имущества непосредственно в результате стихийного бедствия не дает права на компенсацию собственникам погибшего имущества⁵.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2021 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 142 и пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „Комплекс“» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 07.09.2021).

² Лапин Н.В. Реквизиция и секвестр (по военному ведомству). Петроград, 1916. С. 4–6.

³ Сводный закон РСФСР от 28 марта 1927 г. «О реквизиции и конфискации имущества» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Чельшева Н.Ю. Приобретение права государственной и муниципальной собственности в России: гражданско-правовые аспекты: монография. Екатеринбург, 2014. С. 116.

⁵ Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 января 2009 г. № Ф03-6339/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

В конкретном решении суда, на основе которого сформулирован изложенный тезис, речь идет о сносе жилого дома, пришедшего в аварийное состояние в результате стихийного бедствия. Причем в этом и иных подобных делах суды утверждают, что принудительное изъятие имущества у собственника по ст. 242 ГК РФ производится исключительно ради последующего использования этого имущества в целях ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Таким образом, случаи изъятия жилых домов, подлежащих сносу, равно как и изъятие инфицированных животных, не является основанием реквизиции и не дает собственнику права на выплату компенсации в связи с принудительным изъятием имущества. К подобным выводам суды приходят достаточно часто. В частности, в одном деле собственнику было отказано в выплате компенсации в случае уничтожения ветеринарным специалистом поголовья птиц по просьбе самого собственника. Из решения суда следовало, что присутствие ветеринарных специалистов при проведении истцом мероприятий по уничтожению в эпизоотическом очаге всех животных обусловлено обязанностью осуществления контроля указанных мероприятий, возложенной на них законодательством о ветеринарии. Факт изъятия больных животных именно для государственных нужд судом не признан⁶. В другом деле собственник частично уничтожил зараженных животных самостоятельно, а другая часть была уничтожена при содействии привлеченных специалистов службы ветеринарного надзора. Суд признал у собственника права на компенсацию стоимости животных, уничтоженных специалистами ветеринарной службы. В выплате компенсации в части возмещения стоимости животных, уничтоженных собственником самостоятельно, истцу отказано⁷.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание, что в ст. 242 ГК РФ (в действующей редакции) речь идет о любых фактах принудительного изъятия имущества у собственника в условиях чрезвычайных ситуаций. Указание на то, что имущество изымается для последующего использования в целях удовлетворения государственных и муниципальных нужд, сформулировано только на уровне судебной практики.

Также необходимо учитывать, что действующим российским законодательством о контрактной системе регламентирован порядок закупок товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд в целях как предотвращения чрезвычайных ситуаций, так и ликвидации их последствий. Поэтому, если соглашаться с судебной практикой, мы получаем недопустимую конкуренцию правовых норм о приобретении имущества для государственных (муниципальных) нужд в случаях чрезвычайных ситуаций. Изъятие имущества у собственника, по ст. 242 ГК РФ, влечет гораздо меньше затрат для бюджета, чем процесс проведения закупочной процедуры в соответствии с законодательством о контрактной системе. Признание наличия возможности выбора у госорганов способа приобретения имущества при чрезвычайных ситуациях либо путем реквизиции, либо путем проведения закупочной процедуры представляется, на наш взгляд, недопустимым.

Вторым элементом юридического состава реквизиции является акт органов исполнительной власти об изъятии индивидуально определенной вещи в условиях чрезвычайных обстоятельств. В то же время имеется и положительная судебная практика о том, что даже отсутствие акта органа государственной власти об организации проведения отчуждения не лишает собственника имущества права на возмещение ущерба, если доказан сам факт принудительного изъятия имущества (в конкретном случае уничтожение инфицированных домашних животных) в целях предотвращения чрезвычайной ситуации (распространения инфекционного заболевания среди животных). Суд подчеркнул, что отсутствие соответствующего решения органа исполнительной власти «не лишает собственника права на возмещение ущерба за счет средств бюджета, поскольку изъятие имущества произведено в государственных и общественных интересах в целях предотвращения распространения эпизоотии»⁸.

Третий элемент юридического состава реквизиции образует согласование размера стоимости изымаемого имущества и ее выплаты собственнику. Как уже отмечалось в настоящей публикации, зачатую право собственника на получение компенсации судами ставится в зависимость от того, будет ли изымаемое имущество использоваться далее для борьбы с последствиями чрезвычайной ситуации. К настоящему моменту сформирована устойчивая практика отказов в выплате компенсации собственникам нежилых помещений, расположенных в аварийных жилых домах⁹. Относительно ситуации с изъятием и последующим уничтожением инфицированных домашних животных практика различная. В частности, имеется определение Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), в котором подчеркнуто, что «действующее законодательство не устанавливает зависимость выплаты компенсации собственникам за отчужденное имущество от соблюдения ими ветеринарных норм и правил»¹⁰. В другом определении Верховный Суд РФ прямо указал, что «ущерб, причиненный отчуждением зараженных животных, подлежит возмещению независимо от вины собственника»¹¹, в том числе независимо от соблюдения им ветеринарных норм и правил¹². Примечательно, что именно суды уровня субъектов Российской Федерации принимают решения об отказе в выплате компенсации в связи с неосторожностью потерпевшего (собственника подлежащих уничтожению животных).

К настоящему моменту Правительством Российской Федерации внесен законопроект, согласно которому новая редакция п. 1.1 ст. 242 ГК РФ звучит

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2014 г. № 307-ЭС14-5823 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 26 января 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 сентября 2015 г. № 308-ЭС15-9477 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 сентября 2015 г. № 308-ЭС15-12389 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 308-ЭС17-1889; Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 26 сентября 2018 № 89-АП18-2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Апелляционное определение СК по гражданским делам Орловского областного суда от 5 марта 2019 г. по делу № 33-640/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 марта 2013 г. № Ф07-8891/12 по делу № А05-5616/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

так: «В случаях, установленных федеральным законом, при грубой неосторожности собственника выплата стоимости реквизированного имущества должна быть осуществлена частично или в выплата стоимости реквизированного имущества может быть отказано»¹³. К счастью, согласно Заклочению Министерства экономического развития Российской Федерации, «в представленной редакции законопроекта... не обеспечивает реализацию принципа баланса частных и публичных интересов и не является механизмом устранения правовой неопределенности...»¹⁴, в связи с чем законопроект возвращен на доработку.

Логично предположить, что законодатель пойдет по пути обоснования отказа собственникам в выплата компенсации за имущество, изымаемое исключительно в целях последующего уничтожения и последующее использование которого в интересах общества не предполагалось. В настоящее время в ст. 18 Закона Российской Федерации от 14 мая 1993 г. № 4979-1 «О ветеринарии» ответственность за здоровье, содержание и использование животных, а также обязанность осуществления профилактических, диагностических, ограничительных и иных мероприятий, направленных на предотвращение распространения и ликвидацию очагов отдельных видов инфекционных заболеваний среди животных, возложена на их владельцев¹⁵. Таким образом, расходы собственника на содержание животных и забота об их здоровье реализуются в рамках несения собственником бремени содержания своего имущества. Изъятие инфицированных животных по решению органов исполнительной власти представляет собой один из рисков предпринимательской деятельности, не подлежащих компенсации. При таком подходе вина собственника в возникновении чрезвычайной ситуации является безусловным основанием для дополнительных мер как гражданской, так и административной ответственности (штраф, возмещение убытков).

Однако однозначное возложение всех отрицательных последствий за возникшие чрезвычайные ситуации на одного собственника не согласуется с другими нормами о вещном праве. В частности, в ГК РФ предусмотрены санкционные нормы о принудительном выкупе у собственника имущества ввиду ненадлежащего обращения с ним (выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей — ст. 240 ГК РФ, выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними — ст. 241 ГК РФ, продажа с публичных торгов земельного участка, используемого с нарушением законодательства Российской Федерации, — ст. 286 ГК РФ, продажа с публичных

торгов бесхозяйственно содержимого жилого помещения — ст. 293 ГК РФ). Подчеркнем, что нормы о принудительном выкупе, спровоцированном поведением самого собственника, содержатся в нормах вещного права и не нуждаются в субсидиарном применении норм из иных отраслей гражданского права, в частности норм о деликтных обязательствах. В свою очередь, заведомое осознание собственником невозможности получить компенсацию в случаях уничтожения зараженных животных может послужить поводом к иным формам неправомерного поведения собственника (например, сокрытие факта заражения, реализация зараженной продукции и т.п.).

Подводя итог анализа реквизиции как формы принудительного прекращения права собственности, хочется сформулировать оптимальную, на наш взгляд, редакцию ст. 242 ГК РФ, которая в безусловном порядке гарантировала бы право собственника на получение компенсации: «1. В случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления может быть выкуплено у собственника в порядке и на условиях, установленных законом (реквизиция). 2. Выплата собственнику компенсации стоимости изымаемого имущества производится не позднее момента изъятия этого имущества. Оценка стоимости реквизированного имущества может быть оспорена в суде в течение трех лет с момента прекращения чрезвычайных обстоятельств, служивших основанием реквизиции». Указание на то, что имущество изымается «в интересах общества», включает в понятие «реквизиция» все случаи принудительного изъятия имущества при чрезвычайных обстоятельствах, в том числе если само имущество является источником чрезвычайной ситуации (например, зараженные животные или аварийное здание). Приобретение имущества в целях использования для государственных (муниципальных) нужд в условиях чрезвычайных ситуаций регламентировано нормами законодательства о контрактной системе.

Литература

1. Лапин Н.В. Реквизиция и секвестр: (по военному ведомству) / Н.В. Лапин. Петроград : Тип. Н.П. Зандман пр-ки (б. Безобразова), 1916. 44 с.
2. Чельшева Н.Ю. Приобретение права государственной и муниципальной собственности в России: гражданско-правовые аспекты : монография / Н.Ю. Чельшева. Екатеринбург : Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, 2014. 157 с.

References

1. Lapin N.V. Rekvizitsiya i sekvestr: (po voennomu ведомstvu) [Requisition and Sequestration: (Based on the Military Department)] / N.V. Lapin. Petrograd : Tip. N.P. Zandman pr-ki (b. Bezobrazova) — Petrograd : Printing office of N.P. Zandman pr-ki (former Bezobrazov), 1916. 44 s.
2. Chelysheva N.Yu. Priobretenie prava gosudarstvennoy i munitsipalnoy sobstvennosti v Rossii: grazhdansko-pravovye aspekty' : monografiya [Acquisition of Right to State and Municipal Property in Russia: Civil Law Aspects : monograph] / N.Yu. Chelysheva. Ekaterinburg : Uralskiy institut upravleniya — filial RANKHiGS — Ekaterinburg : Ural Institute of Management — Branch of the RANEPА, 2014. 157 s.

¹³ Текст проекта Федерального закона «О внесении изменений в статью 242 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (подг. Минсельхозом России от 13.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Заключение Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 37 «Об оценке регулирующего воздействия на проект Федерального закона „О внесении изменений в статью 242 части первой ГК РФ“» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Пункты 15 и 16 Приказа Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 37 «Об утверждении Ветеринарных правил осуществления профилактических, диагностических, ограничительных и иных мероприятий, установления и отмены карантина и иных ограничений, направленных на предотвращение распространения и ликвидацию очагов африканской чумы свиней» // СПС «КонсультантПлюс».

Проблемы возмещения вреда при возникновении поствакцинальных осложнений

Мотина Екатерина Александровна,

старший преподаватель кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета
Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикоты
jekaterina.motina@yandex.ru

В условиях изменчивой, нестабильной эпидемиологической обстановки в России и в мире специфическая иммунопрофилактика привлекает к себе все большее внимание как со стороны общественности и специалистов системы здравоохранения, так и органов государственной власти. Несмотря на то что оценка количества и структуры осложнений после вакцинации указывает на эффективность современных вакцин, на минимум побочных реакций¹, все еще сохраняются риски развития серьезных неблагоприятных последствий вакцинации. Поэтому до сих пор достаточно остро стоит вопрос об управлении рисками развития поствакцинальных осложнений, о предупреждении и борьбе с ними, порядке и размерах компенсационных выплат, лицах, которые вправе претендовать на их получение, возмещении вреда, об установлении причинно-следственной связи между вакцинацией и возникшими повреждениями и др.

При этом следует учитывать, что поствакцинальные осложнения могут быть вызваны различными причинами: от нарушения «холодовой цепи» при хранении и транспортировании медицинских иммунобиологических препаратов (например, вакцины против гепатита В, АКДС-вакцину нельзя замораживать, а в отношении вакцин от COVID-19, напротив, требуется поддержание низких температур) и техники их введения (например, введение подкожно вакцины БЦЖ влечет развитие абсцесса) до требований к ведению медицинской документации, а также проведению осмотра пациента (как следствие, не выявляются имеющиеся противопоказания), его последующего ведения и наблюдения (как следствие, несвоевременное оказание медицинской помощи). Очевидно, что связанные с этим риски должны быть компенсированы доступными инструментами возмещения причиненного вреда.

Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 02.07.2021) (далее — Закон об иммунопрофилактике)² закрепляет лишь право граждан на социальную поддержку при возникновении поствакцинальных осложнений в форме получения государственных единовременных пособий в размере 10 000 руб. (а в случае смерти — 30 000, выплачиваемых родственникам), ежемесячных денежных компенсаций в размере 1 000 руб., а также пособий по временной нетрудоспособности в случае ухода за больным ребенком в возрасте до 18 лет при его болезни, связанной с поствакцинальным осложнением. Очевидно, что подобные суммы компенсации вряд ли соотносятся с моральными и материальными потерями, которые может понести лицо вследствие поствакцинального осложнения, однако иных способов возмещения данный закон не предусматривает, что не означает невозможности использования для этих целей гражданско-правового механизма, учитывая, что п. 9 ч. 5 ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ (далее — Закон № 323-ФЗ) закрепляет право пациента на возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании ему медицинской помощи.

Согласно рекомендациям ВОЗ⁴ любое неблагоприятное с медицинской точки зрения проявление, возникшее после иммунизации, признается побочным проявлением после иммунизации (далее — ПППИ), даже если оно не имеет причинно-следственной связи с вакциной или процессом вакцинации. Последнее дает основание подразделять их на связанные, возможно связанные, не связанные или не имеющие достаточных доказательств связи с вакциной или процессом вакцинации, в том числе имеющие психологические причины либо вызванные совпадшими по времени с вакцинацией заболеваниями или обострением фоновой патологии.

В зависимости от наступивших последствий различают серьезные и несерьезные ПППИ. Незначительные реакции, связанные с введенной вакциной, в России в настоящее время трактуются как нормальная вакцинальная реакция, выражающаяся в клинических и лабораторных изменениях, связанных со специфическим действием той или иной вакцины⁵. Речь идет как

В зависимости от наступивших последствий различают серьезные и несерьезные ПППИ. Незначительные реакции, связанные с введенной вакциной, в России в настоящее время трактуются как нормальная вакцинальная реакция, выражающаяся в клинических и лабораторных изменениях, связанных со специфическим действием той или иной вакцины⁵. Речь идет как

³ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ Definition and Application of Terms for Vaccine Pharmacovigilance Report of CIOMS/WHO Working Group on Vaccine Pharmacovigilance. URL: http://www.who.int/vaccine_safety/initiative/tools/CIOMS_report_WG_vaccine.pdf

⁵ МУ 3.3.1879-04.3.3 Иммунопрофилактика инфекционных болезней. Расследование поствакцинальных осложнений :

¹ Таточенко В.К. Безопасность вакцинации: современные данные // Практическая медицина. 2007. № 5 (2). С. 30–34.

² СЗ РФ. 1998. № 38. Ст. 4736.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

о местных реакциях, включающих боль, отек, покраснение в месте инъекции, не превышающее 8 см в диаметре, так и общих (системных) реакциях в виде повышения температуры, дискомфорта, мышечной, головной боли, потери аппетита, а при введении живых вакцин отмечаются симптомы со стороны тропных органов (кашель, насморк после введения коревой вакцины, увеличение слюнных желез после прививки против эпидемического паротита, кратковременная сыпь после введения краснушной или ветряночной вакцины)⁶. В подобных случаях постановка вопроса о возмещении вреда, причиненного здоровью, вряд ли возможна, учитывая специфику оказания медицинских услуг, нередко сопряженных с причинением физических и нравственных страданий, с которыми пациент заведомо соглашается.

Иначе следует расценивать серьезные ПППИ, выражающиеся в тяжелых и (или) стойких нарушениях состояния здоровья, которые согласно действующему законодательству квалифицируются как поствакцинальные осложнения, вызванные профилактическими прививками (ст. 1 Закон об иммунопрофилактике). При этом очевидно, что для возникновения права на возмещение вреда необходимо установить не только временную, но и причинно-следственную связь патологических процессов, возникающих после прививки, с вакцинацией. С этой точки зрения ВОЗ, а вслед за ней и Министерство здравоохранения Российской Федерации (далее — Минздрав России) различают ПППИ:

1) *обусловленные действием вакцины*, то есть связанные с природой препарата (при условии, что он был надлежащим образом изготовлен, с ним правильно обращались и правильно применяли), и индивидуальной реакцией привитого;

2) *обусловленные нарушением качества вакцины*, то есть связанные с дефектом препарата (или устройства для его введения), возникшим в процессе производства, что может оказать влияние на индивидуальную реакцию пациента, увеличивая риск развития побочного действия вакцины (например, неполная инактивация вакцинного штамма или контаминация вакцины в процессе ее производства);

3) *обусловленные ошибками при проведении иммунизации*, включая ошибки в обращении с вакциной (нарушение температурного режима при транспортировке и хранении, неправильное обращение с ней (и ее растворителем, если он применяется)), ошибки в назначении вакцины, включая игнорирование противопоказаний или

методические указания (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 04.03.2004). М. : Федеральный центр госсанэпиднадзора Минздрава РФ, 2004.

⁶ Методические рекомендации по выявлению, расследованию и профилактике побочных проявлений после иммунизации (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации от 12.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

несоблюдение рекомендаций по использованию, в том числе несоблюдение указаний относительно дозы, пути или графика введения вакцины, а также ошибки при введении, включая нарушения стерильности, несоблюдение рекомендаций по месту введения и т.п.

Очевидно, что в каждом из указанных случаев по-разному будет определяться как субъектный состав лиц, у которых возникает обязательство по возмещению вреда здоровью в случае возникновения поствакцинальных осложнений, так и причинно-следственная связь между допущенными нарушениями и наступившими последствиями. В последних двух случаях ориентиром будут критерии качества оказания медицинской помощи, оценку которого Закон № 323-ФЗ связывает с соблюдением установленного порядка ее оказания, утвержденных стандартов и клинических рекомендаций (п. 1 ст. 64).

Анализ существующей судебной практики указывает на то, что именно нарушение порядка и стандартов оказания медицинской услуги дает основание констатировать факт предоставления некачественных услуг по вакцинации. В частности, в решении Мегионского городского суда было отмечено нарушение требований п. 9.1 СП 3.1.2951-11 «Профилактика полиомиелита», приложения № 1 Приказа Минздрава России от 21 марта 2014 г. № 125н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям», согласно которому первые две вакцинации проводятся неживой инактивированной вакциной, в то время как ребенку была поставлена живая полиомиелитная вакцина. Кроме того, врачом не были приняты во внимание признаки эозинофилии в крови, что могло свидетельствовать о снижении иммунитета либо об аллергической реакции на какой-то продукт, лекарство, объекты окружающей среды, и незначительное повышение СОЭ, что является одним из признаков воспалительной реакции организма. Все это могло способствовать снижению иммунитета ребенка и как результат заболеванию его полиомиелитом в результате вакцинации, хотя в обычных условиях этот вакцинальный препарат не вызывает поствакцинальных осложнений⁷.

Гораздо сложнее решить вопрос о возмещении вреда, причиненного поствакцинальным осложнением, связанным с природой препарата и индивидуальной реакцией на него пациента. Во-первых, в подобных ситуациях вряд ли можно говорить о вине медицинского работника, во-вторых, довольно сложно установить причинно-следственную связь между соответствующей медицинской манипуляцией и изменениями в состоянии здоровья.

⁷ Решение Мегионского городского суда ХМАО-Югра от 2 июля 2018 г. по делу № 2-453/2018 2-453/2018-М-179/2018 М-179/2018. URL: sudact.ru/regular/doc/irj2viPqNFdo/

Ориентиром здесь, как правило, служит Перечень поствакцинальных осложнений, вызванных профилактическими прививками, включенными в национальный календарь профилактических прививок, и профилактическими прививками по эпидемическим показаниям, дающих право гражданам на получение государственных единовременных пособий, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 885⁸ (далее — Постановление Правительства РФ № 885), который сформирован по результатам мониторинга заболеваний в поствакцинальном периоде, позволяющим на основе статистических данных судить о возможных ПППИ. Причем некоторые из них ассоциированы с конкретными вакцинами. В частности, вакциной БЦЖ могут быть вызваны генерализованная инфекция, остит, остит, остеомиелит. Последствием вакцинации против краснухи может стать хронический артрит. Прививка от полиомиелита способна вызвать вакцино-ассоциированный полиомиелит. Несовпадение клинических проявлений с указанным перечнем дает основание экспертам, а затем и судам говорить об отсутствии причинно-следственной связи между вакцинацией и поствакцинальными осложнениями.

Показательно в этом смысле решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска⁹ по иску матери ребенка, которому были введены вакцина «Превенар» для профилактики пневмококковых инфекций и вакцина «Краснуха». Спустя два дня после вакцинации истец обратилась в больницу с жалобами на то, что у ребенка нарушена координация движений, снижен аппетит, вялость. В результате он был госпитализирован в тяжелом состоянии с диагнозом генерализованная вирусно-бактериальная инфекция, вследствие которой у ребенка развилась катаракта, послужившая основанием для установления инвалидности по зрению.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы следовало, что достаточных оснований говорить о наличии причинно-следственной связи между состоянием, в котором ребенок поступил в больницу, и вакцинацией нет. Сама по себе вакцинация не может являться причиной развития катаракты у детей. Каких-либо достаточных оснований считать, что катаракта обоих глаз и генерализованная вирусно-бактериальная инфекция являются поствакцинальным осложнением после введения ему вакцин «Превенар» и «Краснухи», у экспертной комиссии нет. В медицинских картах ребенка не зафиксированы состояния, характерные для поствакцинальных осложнений, предусмотренных в Перечне, утвержденном Постановлением Правительства РФ № 885.

В судебном заседании эксперт пояснила, что в мировой медицинской литературе она не встречала описанных случаев возникновения катаракты в результате вакцинации. Эксперты пояснили, что заболевания возникли не в результате вакцинации, а на фоне вакцинации. На фоне этого суд, очевидно, не принял во внимание ссылку истца на публикацию статьи в сети Интернет о случае катаракты у подростка 16 лет после вакцинации от гриппа, поскольку ее научная ценность и достоверность выводов неизвестна и не может быть проверена судом, а кроме того, она не опровергает выводы экспертов. Само по себе развитие катаракты после вакцинации не свидетельствует о некачественном оказании медицинских услуг ответчиком.

В тех случаях, когда поствакцинальные осложнения соответствуют статистически подтвержденным последствиям, вина медицинской организации может не являться предметом обсуждения. Так, в решении Советского районного суда г. Брянска от 18 декабря 2009 г.¹⁰ было отмечено, что при современном развитии медицины невозможно полностью проконтролировать реакцию организма на введенную вакцину БЦЖ, а осложнения вследствие вакцинации возможны и в случае надлежащего качества вакцины, соблюдения технологии ее введения и отсутствия противопоказаний к вакцинации, что следует из нормативных документов Минздрава России. Из этого был сделан вывод о том, что вакцинация против туберкулеза полностью соответствует признакам источника повышенной опасности как деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны медицинских работников, а также как деятельность по использованию веществ (вакцин, т.е. штаммов живых микробактерий), обладающих такими же свойствами. При таких обстоятельствах доводы представителя ответчика об отсутствии вины в причинении вреда здоровью несовершеннолетнего Б. не были приняты во внимание, т.е. в данном случае отсутствие вины не является основанием для освобождения от ответственности за причиненный вред.

В то же время некоторые суды с подобной трактовкой медицинской деятельности не соглашались. Так, довод истца о том, что вакцинация является деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, не был принят судом во внимание, поскольку «использование вакцины в медицинской деятельности не может быть признано такой деятельностью, так как врачебная деятельность направлена на сохранение жизни и здоровья человека, а вакцины Превенар и Краснуха являются препаратом, разрешенным к использованию на территории Российской Федерации, ее использование рекомендовано государством

⁸ СЗ РФ. 1999. № 32. Ст. 4094.

⁹ Решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска по делу № 2-492/2019. URL: sudact.ru/regular/doc/KNCKvzaa9XVT/

¹⁰ URL: <http://sovetsky.bryj.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=216>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

с целью иммунологической диагностики, профилактики (предупреждения заболевания) и создания стойкого иммунитета против заболеваний»¹¹.

Следует отметить, что в доктрине российского права единой позиции по данному вопросу не сформировалось. В то время как одни ученые фактически относят медицинскую деятельность к источникам повышенной опасности, в том числе из-за трудностей в разграничении договорной и внедоговорной ответственности в данной сфере¹², другие предлагают подходить к решению этого вопроса дифференцированно, оценивая возможные риски в зависимости от категории оказываемых услуг¹³. В частности, отмечается, что медицинская услуга может быть квалифицирована в качестве источника повышенной опасности лишь при невозможности полного контроля со стороны исполнителя (их владельца) за проявлением опасных свойств инструментов, лекарств, инъекций или их системной совокупности, объединенной тем или иным методом лечения¹⁴. Таковой признается и вакцинация¹⁵.

Проблемой является то, что современная наука констатирует отсутствие патогномичных симптомов, позволяющих однозначно считать каждый конкретный случай поствакцинальным осложнением или необычной реакцией, поскольку такие клинические симптомы, как высокая температура, интоксикация, неврологическая симптоматика, различные виды аллергических реакций, в том числе немедленного типа, могут быть обусловлены не вакцинацией, а заболеванием, совпавшим во времени с ее проведением¹⁶. Это обстоятельство существенно осложняет процесс доказывания наличия причинно-следственной связи в случаях отсутствия значительного числа зарегистрированных случаев заболевания, возникшего после введения конкретных вакцин.

¹¹ Решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска № 2-4327/2018 2-492/2019 2-492/2019(2-4327/2018;)-М-3804/2018 М-3804/2018 от 29 ноября 2019 г. по делу № 2-4327/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>

¹² Власова А.Д. Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 12 ; Тихомиров А.В. Проблемы правовой квалификации вреда здоровью при оказании медицинских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 85.

¹³ Масляков В.В., Портенко Н.Н. Особенности гражданско-правовой ответственности в сфере медицинских услуг // Медицинское право. 2019. № 6. С. 28–32 ; Ситдикова Л.Б. Гражданско-правовая ответственность в сфере оказания медицинских услуг // Медицинское право. 2012. № 3. С. 9–14.

¹⁴ Галь И.Г. Обязательство по оказанию медицинской услуги : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10.

¹⁵ Муравьева Е.В. Гражданско-правовая ответственность в сфере медицинской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 141–142.

¹⁶ МУ 3.3.1.1123-02. 3.3.1 Вакцинопрофилактика. Мониторинг поствакцинальных осложнений и их профилактика. Методические указания (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 26.05.2002). М. : Федеральный центр госсанэпиднадзора Минздрава РФ, 2002.

В связи с этим заслуживает внимания решение ЕСПЧ по делу C-621/15, N.W, L.W en C.W v. Sanofi Pasteur MSD SNC, Caisse primaire d'assurance maladie des Hauts-de-Seine and Carpimko (ECJ, 21 June 2017)¹⁷, которым был поставлен вопрос об ответственности компании Sanofi Pasteur, изготовившей вакцину против гепатита В, предположительно послужившую причиной развития рассеянного склероза, приведшего в конечном итоге к смерти пациента. В нем было отмечено, что, несмотря на данные медицинских исследований, которые не устанавливают и не исключают существования связи между введением вакцины и возникновением заболевания жертвы, определенные фактические доказательства, на которые ссылается заявитель, представляют собой серьезные, конкретные и последовательные доказательства, позволяющие суду сделать вывод о наличии дефекта в вакцине и о наличии причинно-следственной связи между этим дефектом и этим заболеванием. В данном случае ЕСПЧ посчитал достаточными доказательства этой связи незначительный временной промежуток времени между введением вакцины и возникновением заболевания, отсутствие личной и семейной истории этого заболевания, наряду с наличием нескольких сообщений о пациентах, у которых после вакцинации проявлялись симптомы демиелинизирующих заболеваний, таких как рассеянный склероз. Это позволило считать, что введение вакцины является наиболее правдоподобным объяснением возникновения заболевания, а следовательно, вакцина не обеспечивает безопасность, на которую можно рассчитывать.

Следует отметить, что это решение вызвало жесткую критику как создающее предпосылки для сведения причинно-следственной связи «к спекулятивной корреляции». Признавая неоспоримую ценность в отстаивании специфики юридической аргументации в делах, связанных с неопределенными научными вопросами, специалисты отмечают, что это не должно приводить к произволу и перекладыванию бремени доказывания исключительно на ответчика¹⁸.

Подводя итоги вышеизложенному, можно прийти к нескольким выводам.

Далеко не каждое побочное проявление после иммунизации может рассматриваться как основание для предъявления требования о возмещении вреда здоровью. Таковыми являются только поствакцинальные осложнения, выражающиеся

¹⁷ URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text&docid=192054&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir&oc c=first&part=1&cid=848112>

¹⁸ Rizzi M. A Dangerous Method: Correlations and Proof of Causation in Vaccine Related Injuries // Journal of European Tort Law. 2018. Vol. 9. Is. 3. P. 289–307 ; Knoi R.K. Vaccine Injury-Burden of Proof of the Defect and the Causal Link in the Light of the Judgment in the Case c-621/15 // EU and Comparative Law Issues and Challenges Series (ECLIC). 2019. Vol. 3. P. 255–274. URL: <https://doi.org/10.25234/eclic/9002>

в тяжелых и (или) стойких нарушениях состояния здоровья.

При возникновении поствакцинальных осложнений, обусловленных нарушением качества вакцины или ошибками при проведении иммунизации, решение вопроса об ответственности будет зависеть от соблюдения требований к качеству оказания медицинской помощи, оценку которого Закон № 323-ФЗ связывает с соблюдением установленного порядка ее оказания, утвержденных стандартов и клинических рекомендаций.

В тех случаях, когда поствакцинальные осложнения соответствуют статистически подтвержденным последствиям, вопрос о возмещении вреда должен решаться с позиции признания вакцины источником повышенной опасности при условии отсутствия фактов, свидетельствующих о существенном влиянии на развитие заболевания иных факторов.

Литература

1. Власова А.Д. Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Д. Власова. Ставрополь, 2004. 22 с.
2. Галь И.Г. Обязательство по оказанию медицинской услуги : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.Г. Галь. Москва, 2014. 24 с.
3. Масляков В.В. Особенности гражданско-правовой ответственности в сфере медицинских услуг / В.В. Масляков, Н.Н. Портенко // Медицинское право. 2019. № 6. С. 28–32.
4. Муравьева Е.В. Гражданско-правовая ответственность в сфере медицинской деятельности : диссертация кандидата юридических наук / Е.В. Муравьева. Ростов-на-Дону, 2004. 189 с.
5. Ситдикова Л.Б. Гражданско-правовая ответственность в сфере оказания медицинских услуг / Л.Б. Ситдикова // Медицинское право. 2012. № 3. С. 9–14.
6. Таточенко В.К. Безопасность вакцинации: современные данные / В.К. Таточенко // Практическая медицина. 2007. № 5 (2). С. 30–34.
7. Тихомиров А.В. Проблемы правовой квалификации вреда здоровью при оказании медицинских услуг : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Тихомиров. Москва, 2008. 170 с.
8. Knol R.K. Vaccine Injury-Burden of Proof of the Defect and the Causal Link in the Light of the Judgment in the Case c-621/15 / R.K. Knol // EU and Comparative Law Issues and Challenges Series (ECLIC). 2019. Vol. 3. P. 255–274. URL: <https://doi.org/10.25234/eclic/9002>

9. Rizzi M. A Dangerous Method: Correlations and Proof of Causation in Vaccine Related Injuries / M. Rizzi // Journal of European Tort Law. 2018. Vol. 9. Is. 3. P. 289–307.

References

1. Vlasova A.D. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obyazatelstv vsledstvie prichineniya imuschestvennogo vreda zhizni ili zdorovyu grazhdanina istochnikom pov'shennoy opasnosti : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Civil Law Regulation of Obligations Arising as a Result of Causing of Property Damage to the Life or Health of a Citizen by a Source of Increased Danger : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.D. Vlasova. Stavropol — Stavropol, 2004. 22 s.
2. Gal I.G. Obyazatelstvo po okazaniyu meditsinskoy uslugi : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Medical Service Rendering Obligation : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / I.G. Gal. Moskva — Moscow, 2014. 24 s.
3. Maslyakov V.V. Osobennosti grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti v sfere meditsinskikh uslug [Peculiarities of the Civil Liability in the Medical Service Sector] / V.V. Maslyakov, N.N. Portenko // Meditsinskoe pravo — Medical Law. 2019. № 6. S. 28–32.
4. Muravyeva E.V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost v sfere meditsinskoy deyatel'nosti : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Civil Liability in the Medical Sector : thesis of PhD (Law)] / E.V. Muravyeva. Rostov-na-Donu — Rostov-on-Don, 2004. 189 s.
5. Sitdikova L.B. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost v sfere okazaniya meditsinskikh uslug [The Civil Liability in the Medical Service Rendering Sector] / L.B. Sitdikova // Meditsinskoe pravo — Medical Law. 2012. № 3. S. 9–14.
6. Tatochenko V.K. Bezopasnost vaktsinatsii sovremenny'e dannyy'e [Vaccination Safety: Contemporary Data] / V.K. Tatochenko // Prakticheskaya meditsina — Practical Medicine. 2007. № 5 (2). S. 30–34.
7. Tikhomirov A.V. Problemy' pravovoy kvalifikatsii vreda zdorovyu pri okazanii meditsinskikh uslug [Problems of the Legal Qualification of Damage Caused to Health when Providing Medical Services : thesis of PhD (Law)] / A.V. Tikhomirov. Moskva — Moscow, 2008. 170 s.
8. Knol R.K. Vaccine Injury-Burden of Proof of the Defect and the Causal Link in the Light of the Judgment in the Case c-621/15 / R.K. Knol // EU and Comparative Law Issues and Challenges Series (ECLIC). 2019. Vol. 3. S. 255–274. URL: <https://doi.org/10.25234/eclic/9002>
9. Rizzi M. A Dangerous Method: Correlation and Proof of Causation in Vaccine Related Injuries / M. Rizzi // Journal of European Tort Law. 2018. Vol. 9. Is. 3. S. 289–307.

Правовая природа ответственности информационного посредника

Фомина Ольга Николаевна,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
fomina-on@ranepa.ru

Понятие «информационный посредник» введено в отечественный Гражданский кодекс (далее — ГК РФ) Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»¹. Содержание концепции информационного посредничества заимствовано из Закона США «Об авторском праве в цифровую эпоху» (Digital Millennium Copyright Act², далее — DMCA, 1998 г. internet service provider дословно — поставщик интернет-услуг), а также из Директивы ЕС 2000/31/ЕС «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции»³. В правовом порядке ЕС аналогом информационного посредника выступает «провайдер сервиса информационного общества» (information society service provider) и «провайдер посреднического сервиса» (intermediary service provider).

В нашей стране характеристики информационного посредника формулировались на протяжении длительного времени. Постепенное развитие доктринального определения⁴ и сопутствующее ей уточнение судебной практики⁵ привели к органичной имплементации моделей, свойственных европейскому регулированию и нашедших свое отражение в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 23 декабря 2008 г. № 10962/08. В настоящее время правовое положение информационных посредников регулируется ст. 1253.1 ГК РФ и Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации,

информационных технологиях и о защите информации» (далее — Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Актуальность вопросов, связанных с определением элементов правового статуса информационного посредника, обуславливается особой значимостью, которую играют эти лица в отношениях, связанных с использованием сети Интернет. Основным последствием признания за субъектом статуса информационного посредника является возможность предъявить ему правовые претензии, связанные с нарушением интеллектуальных прав, на администрируемом им ресурсе. Нежелание получать заявления с такими требованиями и тем более отвечать по ним порождает активные споры относительно данного статуса⁶.

Основной обязанностью информационного посредника, вытекающей из ст. 1253.1 ГК РФ, является *удалить или ограничить доступ к противоправным материалам* в ответ на заявление уполномоченного лица, чьи интеллектуальные права нарушаются такими материалами. То есть требования к посреднику касаются использования исключительно его технических ресурсов для обеспечения иска или прекращения нарушения своих интеллектуальных прав.

В случае неисполнения в определенный срок указанных требований посредник теряет возможность ссылаться на п. 2 и 3 ст. 1253.1 ГК РФ ввиду своей неосведомленности и считаться «невиновным» по п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ. Следовательно, к нему могут быть применены гражданско-правовые санкции «на общих основаниях», в том числе и о возмещении убытков, компенсации морального вреда или компенсации на основании п. 3 ст. 1252 ГК РФ.

Переходя непосредственно к рассмотрению предмета очерка, обратимся к анализу правовой природы ответственности информационного посредника в зарубежных странах. Д.В. Лоренц⁷ выделяет несколько моделей ответственности в сети Интернет:

¹ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» (ред. от 12.03.2014). URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 03.07.2013 ; СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3479 ; Российская газета. 2013. 10 июля.

² URL: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf>

³ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/depstanmer/consumer_rights/Documents/

⁴ См., напр.: Калятин В.О. О некоторых тенденциях развития законодательства об ответственности интернет-провайдеров // Закон. 2012. № 7. С. 27–34 ; Его же. Проблемы определения пределов ответственности интернет-провайдера. Комментарий к Постановлению Президиума ВАС РФ от 1.11.2011 г. № 6672/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 3. С. 125–132 ; Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М. : Юриспруденция, 2013.

⁵ См., напр.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 июня 2015 г. № С01-357/2015 по делу № А56-7321/2014 // СПС «Гарант».

⁶ Например, компания «Яндекс» всячески пытается отстраниться от рассматриваемого статуса. См., напр., темы выступлений на круглом столе «Информационные посредники: достаточно ли существующее правовое регулирование?», прошедшем 20 ноября 2018 г. в Торгово-Промышленной палате РФ. Крупенин Р.А. Правовое регулирование оператора поисковой системы в качестве информационного посредника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 10 ; Егелев К.М., Калашников С.С. Поисковые системы и информационные посредники // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2017. № 16. С. 30–35.

⁷ Лоренц Д.В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5. С. 136–163.

1. Когда ни автор, ни посредник не несут ответственности (данный режим выделяется чисто гипотетически и не применяется ни в одной юрисдикции).

2. Когда ответственность несет только автор (непосредственный субъект действия). Такой вид ответственности в сети Интернет характеризуют как «прямую исключительную ответственность», она характерна для США в отношении, прежде всего, авторов комментариев в социальных сетях на основании § 230 Закона об этикете коммуникации 1996 г. (Communications Decency Act).

3. Когда ответственность несет только информационный посредник — так называемая исключительно косвенная ответственность, характерная для Израиля.

4. Когда оба лица несут ответственность (такой режим заложен в Директиве Европейского союза E-Commerce Directive 2000/31/EC).

5. Когда ответственность несет, прежде всего, сам субъект нарушения (например, автор комментария), но если по объективным причинам недоступен, то к ответственности можно привлечь посредника — так называемая остаточная косвенная ответственность (residual indirect liability). Такой подход основывается на британском Законе о диффамации 2013 г. (Defamation Act).

При размещении объектов интеллектуальной собственности наиболее распространенной для зарубежных правовых порядков является парадигма «вторичной ответственности» информационного посредника (ISP Secondary Liability), которая позволяет установить границы возможного предъявления санкций к провайдерам за нарушения интернет-пользователей или иных лиц.

Учение о вторичной косвенной ответственности отражает так называемую концепцию ответственности «слуги» (в лице которого выступает посредник) за вред, причиненный «господином» (конечным пользователем). Такая ответственность бывает двух типов: за чужие действия и за содействие нарушению⁸.

Санкция за косвенное нарушение, т.е. ответственность за чужие действия (vicarious liability), применяется, когда ответчик (1) обладает правом и способностью контролировать прямого нарушителя и (2) имеет прямой финансовый интерес в использовании материалов, охраняемых копирайтом. Провайдер отвечает за содействие нарушению, когда он (1) имеет информацию о правонарушении и не принимает мер или (2) побуждает других лиц к нарушению либо способствует этому⁹.

Полагаем, что концепция ответственности информационного посредника в нашей стране также сконструирована по аналогии с зарубежными правовыми порядками и является *субсидиарной* (ст. 399 ГК РФ) по отношению к ответственности самого правонарушителя. То есть до отправления претензии посреднику она должна быть предъявлена к самому правонарушителю, хотя правообладатель и не обязан осуществлять поиски первоначального правонарушителя или его контактов. При этом необоснованное нежелание этого делать может быть истолковано как недобросо-

вестность и злоупотребление своим правом в соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Однако на основании п. 78 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» владелец сайта должен самостоятельно доказать, что материал, включающий результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации на сайте размещен третьими лицами, а не владельцем сайта и, соответственно, последний является информационным посредником. При отсутствии таких доказательств презюмируется, что владелец сайта является лицом, непосредственно использующим соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, то есть правонарушителем.

Если владелец сайта вносит изменения в размещаемый третьими лицами на сайте материал, содержащий результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, разрешение вопроса об отнесении его к информационным посредникам зависит от того, насколько активную роль он выполнял в формировании размещаемого материала и (или) получал ли он доходы непосредственно от неправомерного размещения материала. Существенная переработка материала и (или) получение указанных доходов владельцем сайта может свидетельствовать о том, что он является не информационным посредником, а лицом, непосредственно использующим соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Если иное не следует из обстоятельств дела представленных доказательств, в частности из размещенной на сайте информации (ч. 2 ст. 10 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), презюмируется, что владельцем сайта является администратор доменного имени, адресуемого на соответствующий сайт¹⁰.

Возможно, логичным было бы внесение в закон нормы о необходимости предъявления требований самому нарушителю, прежде чем отправлять их посреднику. Таким образом, к заявлению посредника было бы необходимо приложить копию претензии или иска к правонарушителю или информацию о возможности вычислить такового или его контакты. Однако это, с одной стороны, увеличивает время размещения неправомерной информации в сети Интернет, которое является принципиальным моментом при исчислении причиненного ущерба, с другой — предоставляет посреднику некий карт-бланш не реагировать на претензии потерпевших при отсутствии достаточных доказательств невозможности вычислить нарушителя или его контакты.

Рассматривая природу и сущность ответственности информационного посредника в соответствии со ст. 1253.1 ГК РФ, она является *внедоговорной (деликтной)*. Общие принципы деликтного права применяются к провайдером информационного общества также во Франции и Германии.

Еще одним вариантом, направленным на поддержание баланса интересов посредников и правооб-

⁸ Там же.

⁹ Smith E. Lord of the Files: International Secondary Liability for Internet Service Providers // Washington and Lee Law Review. 2011. Vol. 68. Is. 3. P. 1558. (цит. по: Лоренц Д.В. Указ. соч.)

¹⁰ Аналогичные выводы содержатся в материалах судебной практики. См. напр.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 марта 2020 г. № С01-41/2020 по делу № А40-47084/2018 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

ладателей, а также судебной системы, представляется введение промежуточного «мягкого» контроля со стороны специально уполномоченного государственного органа, например Роскомнадзора. При таком подходе до подачи судебного иска необходимо было бы направить требования такому контролирующему органу, который в свою очередь будет обязан предоставить в ответ свое юридическое заключение с квалификацией действий посредника.

Пункт 1 ст. 1253.1 ГК РФ часто интерпретируется как *ответственность посредника за чужие действия по аналогии с предпринимателем*. Однако предпринимательская ответственность носит так называемый безвиновный характер, кодекс же подчеркивает необходимость вины в качестве применения гражданско-правовых санкций.

Вина трактуется как сознательное психическое отношение правонарушителя к совершенному им противоправному действию или бездействию, а также к наступившему результату¹¹. Использование данного подхода в отношении информационного посредника представляется не совсем корректным, поскольку в подавляющем большинстве случаев в таком качестве выступает юридическое лицо, которое очевидно не обладает психикой. Более уместным здесь было бы использовать критерий *добросовестности*. Однако законодатель, видимо, не хотел вводить еще одно «молодое» неустоявшееся понятия для характеристики другой новеллы во избежание риска еще большей неопределенности.

Классическую доктрину вины достаточно сложно применять для анализа поведения информационного посредника как юридического лица, поскольку ее формы (прямой и косвенный умысел и неосторожность в форме небрежности и самонадеянности¹²) и характеристики изначально разработаны для анализа поведения физического лица. Возможно, стоит предполагать вину в смысле п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ, когда посредник знал или *должен был знать* о неправомерности распространяемой с его помощью информации. Такое условие было сформулировано еще в Постановлении Президиума ВАС РФ от 1 ноября 2011 г. № 6672/11 по делу № А40-75669/08-110-609, указавшем, что необходимо оценивать действия провайдера «при получении извещения правообладателя о факте нарушения исключительных прав, а также в случае иной возможности узнать (в том числе из широкого обсуждения в средствах массовой информации) о неправомерном использовании его интернет-ресурса».

Однако такое условие накладывает на информационного посредника обязанность осуществлять мониторинг средств массовой информации на предмет предполагаемого нарушения исключительных прав третьих лиц. Поскольку в его обязанности не входит ни отслеживание, ни анализ подобной информации, ни модерация, то такую осведомленность стоит толковать ограничительно и предполагать только в случае получения конкретного заявления от правообладателя. По мнению В.С. Гербутова, вина информационных посредников может заключаться не в том,

что они своей волей размещают противоправные материалы, а в том, что они «виновно создают условия для нарушения интеллектуальных прав»¹³.

В Российской Федерации лицо, отвечающее признакам и критериям информационного посредника, может быть привлечено к ответственности *за нарушение интеллектуальных прав, а также за нарушение прав на честь, достоинство и деловую репутацию*.

Необходимым и достаточным *основанием ответственности* будет в большинстве случаев всего один *юридический факт*¹⁴ — отказ принимать меры по удалению или блокировке интернет-ресурса в ответ на требование управомоченного лица как невыполнение возложенной на него законом обязанности (неправомерное *деяние* в форме бездействия). Наличие вины посредника в данном случае презюмируется, а причинение неправомерной информацией вреда не всегда должно быть доказано (в частности, при предъявлении требований компенсации на основании ст. 1252 ГК РФ).

Стоит подчеркнуть, что посредник отвечает **не за использование чужого объекта интеллектуальной собственности и нарушение интеллектуальных прав, а за то, что своими виновными действиями (или скорее бездействием) допускает такое нарушение другими**.

При этом в случае требований о компенсации морального вреда, защите чести, достоинства и деловой репутации на основании п. 4 ст. 1253.1 ГК РФ истцу необходимо дополнительно доказывать наличие *неблагоприятных последствий*, которые произошли в результате действий посредника (физические и нравственные страдания, вред деловой репутации и т.д.), а также *причинно-следственную связь*.

Поскольку не любые интеллектуальные права могут защищаться через возмещение компенсации на основании ст. 1252 ГК РФ, то при возмещении *убытков их размер и характер* (реальный ущерб, упущенная выгода) должны быть обоснованы как необходимое условие *состава гражданского правонарушения*. Вопрос об исчислении таких убытков тоже пока спорен. Полагаем, что при предъявлении требований к посреднику такие убытки стоит подсчитывать начиная с момента получения именно посредником заявления, а не с начала фактического нарушения.

Еще до введения фигуры информационного посредника в правовое поле суд пытался выработать критерии привлечения хостинг-провайдеров к ответственности¹⁵, в частности: 1) получил ли провайдер прибыль от деятельности, связанной с использованием исключительных прав других субъектов, которую осуществляли лица, пользующиеся услугами этого провайдера; 2) установлены ли ограничения

¹¹ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды : в 4 т. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. Т. 1. С. 327.

¹² Там же. С. 335.

¹³ Протокол заседания научно-консультативного совета при СИП. 22.04.2015// СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Традиционно к основаниям гражданско-правовой ответственности относят следующие юридические факты: 1) вред (материальные убытки или моральный ущерб); 2) противоправные действия (бездействия); 3) наличие причинно-следственной связи между вредом и противоправным деянием; 4) вина. См., напр.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 874–875.

¹⁵ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2011 № 6672/11. URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_be87c7b7-ec2b-4325-82c4-e1ae94f34e16; См. подп.: Крупенин Р.А. Указ. соч.

объема размещаемой информации, ее доступности для неопределенного круга пользователей; 3) зафиксированы ли в пользовательском соглашении обязанности пользователя по соблюдению законодательства Российской Федерации при размещении контента и безусловное право провайдера удалить незаконно размещенный контент; 4) имелись ли технологические условия (программы), способствующие нарушению исключительных прав; 5) имелись ли специальные эффективные программы, позволяющие предупредить, отследить или удалить размещенные контрафактные произведения.

Первый критерий (необходимость доказательства прибыли) связан с трактовкой ответственности информационного посредника по аналогии с предпринимательской (за чужие действия). Например, И.В. Артемова одним из аргументов привлечения операторов поисковых систем к ответственности в качестве информационных посредников выделяет получение дохода от использования чужого контента¹⁶. Однако, как уже было показано выше, факт получения им прибыли не имеет значения, поскольку посредник отвечает только за свои собственные действия или бездействие.

Остальные критерии неприменимы для анализа поведения информационного посредника, поскольку его ответственность не связана с нарушением им интеллектуальных прав.

В заключение стоит отметить, что в отечественной и зарубежной судебной практике наблюдаются прямо противоположные стратегии поведения сторон споров, связанных с нарушением интеллектуальных прав в сети Интернет. И в американской, и в европейской практике *ответчики* зачастую пытаются доказать наличие у них статуса сервис-провайдера (США) или провайдера сервисов информационного общества (ЕС), поскольку такой статус позволит им при добросовестном поведении *избежать ответственности*. В России же, наоборот, *истцы* зачастую доказывают наличие статуса информационного посредника, *презюмируя тем самым его ответственность*. Полагаем, что в нашей стране такой подход обусловлен непониманием правового статуса информационного посредника и недостаточностью накопленного опыта для обеспечения предсказуемости правоприменения.

Литература

1. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е.А. Войниканис. Москва : Юриспруденция, 2013. 552 с.
2. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общей редакцией В.А. Белова. Москва : Юрайт-Издательство, 2007. 993 с.
3. Егелев К.М. Поисковые системы и информационные посредники / К.М. Егелев, С.С. Калашников // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2017. № 16. С. 30–35.
4. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе // Избранные труды. В 4 томах. Т. 1. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 572 с.

5. Калятин В.О. О некоторых тенденциях развития законодательства об ответственности интернет-провайдеров / В.О. Калятин // Закон. 2012. № 7. С. 27–34.

6. Калятин В.О. Проблемы определения пределов ответственности интернет-провайдера / В.О. Калятин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 3. С. 125–132.

7. Крупенин Р.А. Правовое регулирование оператора поисковой системы в качестве информационного посредника / Р.А. Крупенин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 10. С. 132–144.

8. Лоренц Д.В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология / Д.В. Лоренц // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5. С. 136–163.

References

1. Voynikanis E.A. Pravo intellektualnoy sobstvennosti v tsifrovuyu epokhu: paradigma balansa i gibkosti [Intellectual Property Law in the Digital Era: The Balance and Flexibility Paradigm] / E.A. Voynikanis. Moskva : Yurisprudentsiya — Moscow : Jurisprudence, 2013. 552 s.
2. Grazhdanskoe pravo: aktualny'e problemy' teorii i praktiki ; pod obschey redaktsiyey V.A. Belova [Civil Law. Relevant Problems of the Theory and Practice ; under the general editorship of V.A. Belov]. Moskva : Yurayt-Izdat — Moscow : Urait-Publishing, 2007. 993 s.
3. Egelev K.M. Poiskovy'e sistemy' i informatsionny'ye posredniki [Search Systems and Information Intermediaries] / K.M. Egelev, S.S. Kalashnikov / Zhurnal suda po intellektualny'm pravam — Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2017. № 16. S. 30–35.
4. Ioffe O.S. Otvetstvennost' po sovetскому grazhdanskomu pravu [Liability under Soviet Civil Law] / O.S. Ioffe // Izbranny'e trudy'. V 4 tomakh. T. 1. [Selected Works. In 4 volumes. Vol. 1]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2003. 572 s.
5. Kalyatin V.O. O nekotory'kh tendentsiyakh razvitiya zakonodatelstva ob otvetstvennosti internet-provayderov [On Some Tendencies in the Development of Laws on the Liability of Internet Providers] / V.O. Kalyatin // Zakon — Law. 2012. № 7. S. 27–34.
6. Kalyatin V.O. Problemy' opredeleniya predelov otvetstvennosti internet-provaydera [Problems of the Determination of Limits of Liability of an Internet Provider] / V.O. Kalyatin // Vestnik Vy'sshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2012. № 3. S. 125–132.
7. Krupenin R.A. Pravovoe regulirovanie operatora poiskovoy sistemy' v kachestve informatsionnogo posrednika [The Legal Regulation of a Search System Operator as an Information Intermediary] / R.A. Krupenin // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. № 10. S. 132–144.
8. Lorents D.V. Informatsionny'e posredniki (provaydery) v Rossii i zarubezhny'kh stranakh: priroda, suschnost i tipologiya [Information Intermediaries (Providers) in Russia and Foreign Countries: The Nature, Essence and Typology] / D.V. Lorents // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. № 5. S. 136–163.

¹⁶ Протокол заседания научно-консультативного совета при суде по интеллектуальным правам, 28.04.2017 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 16. С. 13–29.

Преддоговорная ответственность через призму преддоговорного отношения

Кадочников Евгений Владимирович,

аспирант кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии
kadochnikov411@icloud.com

Исследования, касающиеся темы преддоговорной ответственности, позволяют констатировать, что порой авторы не уделяют должного внимания преддоговорным отношениям. Так, в научной литературе имеется следующая точка зрения: «...отличительной чертой неправовой стадии преддоговорных отношений является отсутствие правовой связи между участниками отношений, в связи с чем преддоговорная ответственность может возникать лишь на правовой стадии преддоговорных отношений»¹. Однако подобный прием очень условный, так как регулятивное действие гражданско-правовых норм обуславливает то, что стороны во всех без исключения преддоговорных отношениях состоят в правовой связи. Более того, при таком подходе проблематично сформировать единое представление о преддоговорном отношении. В некоторых случаях возникновение «правовой стадии» зависит исключительно от особенностей протекающей деятельности субъектов отношения (речь об абз. «б» ч. 2 ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)), выходит, что в подобных случаях деление построено на очевидно непредсказуемых явлениях.

Отправной идеей для предлагаемой характеристики преддоговорных отношений служит их квалификация в рамках правоотношений общего типа, выделенных С.С. Алексеевым.

Отличительной чертой указанных правоотношений является отсутствие индивидуально-определенного субъективного состава. Оговоримся, что один и тот же субъект является участником как общедозволительного правоотношения, так и общезапретительного, поскольку категории «общие дозволения/запреты»² означают, что последние обращены всем и каждому, то есть всем субъектам, находящимся в радиусе действия правовой нормы. В общедозволенных правоотношениях дозволению корреспондируют обязанности всех других не препятствовать дозволенному поведению, а в общезапретительных — общему запрету на совершение какой-либо деятельности корреспондируют права всех других требовать от лица воздержания от действий известного рода. *Главной целью общих правоотношений является закрепление определенных общественных порядков, однако их ценность заключается в том, что они являются предпосылкой для конкретных правоотношений*³. *В свою очередь, предпосылкой для «конкретных» право-*

отношений с точки зрения гражданского правоотношения выступает категория правоспособности⁴, которую составляют определенные законом способности, понимаемые, в свою очередь, «правом в третьем смысле этого слова»⁵. Таким образом, вполне последовательны выводы тех ученых, которые заключают, что содержанием общего правоотношения являются права, охватываемые категорией правоспособности⁶. В свою очередь, следуя наиболее распространенному представлению о субъективных гражданских правах, к которым, как следует из вышесказанного, относятся и права общего типа (в том числе заключения договора), следует предположить, что и последние должны иметь свойство осуществимости, реализации, на что и указывал С.Н. Братусь⁷.

Следует отметить, что все вышеприведенные выводы соотносятся и с действующим гражданским законодательством. Так, ст. 18 ГК РФ содержит в себе перечень тех способностей, которые являются правами общего типа, соответственно, содержанием общего правоотношения, а из ст. 21 ГК РФ «Способность гражданина своими действиями... приобретать и осуществлять гражданские права»⁸ прямо следует, что приобретению «конкретных» субъективных прав и юридических обязанностей предшествует целенаправленная, волевая и интеллектуальная деятельность.

Произведя анализ норм договорного правопорядка, причем как общих, так и специальных, нетрудно заметить, что они сконструированы таким образом, что выбор поведения оставлен на усмотрение действующего субъекта, ведь сложно даже перечислить, какие именно действия на основании данных норм могут совершить субъекты права. Идентичной характеристикой обладают нормы о конкретных видах договоров. Учитывая большое количество вышеприведенных положений, достаточно широкий спектр возможностей, содержащихся в правовых нормах о конкретных договорах (главы 30–58 раздела 4 ГК РФ), можно предположить, что преддоговорное отношение следует квалифицировать в рамках указанных гражданско-правовых положений, реализуемых в активной деятельности

⁴ Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 104.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Если учитывать, что установление правовой нормы — это юридический факт, то вышеприведенные выводы не вызывают сомнения.

⁷ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6 ; Советское гражданское право. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь, А.И. Пергамент, В.А. Дозорцев и др. ; под ред. С.Н. Братуся. М., 1984. С. 18.

⁸ Которые опять же могут быть и общими.

¹ Комарицкий В.С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 75.

² Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 95.

³ Там же.

субъекта. При этом повторим, что исходные дозволения на совершение сделок и договоров определены в рамках правоспособности, а их «двигателем» является дееспособность, далее волевые акты субъектов опираются уже и на «общие» положения о договоре (свобода выбора договора, его условия и т.п.) и только затем в рамках модели конкретного договора (например, купля-продажи, аренды) стороны формулируют правила, предназначенные для будущей совместной деятельности. Как видно, **движение** субъектов в приведенной цепочке довольно последовательно: трудно представить, что стороны перейдут к обсуждению прав и обязанностей без определенности по предмету (т.е. виду договора) договора⁹.

Вышесказанное о преддоговорном отношении основано на деятельностно-догматическом подходе к гражданской правосубъектности, понимание которого основывается на исследовании О.М. Родионовой, которая указывает, что «гражданская дееспособность — это возможность действий по реализации гражданско-правовых способностей, порождающих в силу закона и направленных на порождение правовых последствий, в том числе ограничение или определение в установленном законом объеме правового положения субъектов гражданского права, приобретение и осуществление ими гражданских прав, а также исполнение обязанностей»¹⁰.

Для нас важно и то, что преддоговорной партнер может прервать переговоры и начать их ведение с иным лицом, в то время как противоположный партнер будет заинтересован в дальнейшем сотрудничестве. В этих случаях возникнет новое общественное отношение (следовательно, и новое общее правоотношение), которое именно в качестве правоотношения будет характеризоваться все тем же набором предусмотренных законом форм и способов взаимодействия, т.е. общим и одинаковым для всех и каждого. Следовательно, нормы права непосредственно не связывают преддоговорных партнеров. В них законодатель установил определенный порядок, а внутри него определенный набор приемов и способов, которыми могут воспользоваться субъекты для установления между собой договорных связей. Выходит, что указанные приемы и способы — это то, что М.М. Агарков обозначал «правом в третьем знамении этого термина», которое, очевидно имеет абсолютную характеристику¹¹.

Избранный методологический подход позволяет сделать вывод о том, что в отсутствие (по общему правилу) обязательственных или иных относительных связей в преддоговорном отношении преддоговорная ответственность может быть обращена к каждому преддоговорному партнеру. И если следовать логике С.С. Алексеева, то преддоговорная ответственность функционирует в границе общезапретительного правоотношения¹², а если О.М. Родионовой — то это обязанность общего типа¹³.

Текстуально норма о преддоговорной ответственности закреплена в общих положениях ГК РФ, а именно в главе 28 «Заключение договора». Как следует из содержания ст. 434.1 ГК РФ, ее возникновение имманентно самому преддоговорному отношению¹⁴; в абз. «б» ч. 5 ст. 434.1 ГК РФ указано, что она неустранима. Следовательно, связь между субъектом и анализируемым явлением настолько неразрывна, что позволяет провести сравнение с теми позитивными возможностями, которые характеризуют договорной порядок (свобода выбора договора, его условий, контрагента), а подобная линия рассуждений указывает, что и преддоговорная ответственность может характеризоваться как правоотношение общего типа.

Таким образом, абсолютно любому преддоговорному отношению присуще, с одной стороны, свободное движение субъектов, но с другой — бремя их преддоговорной ответственности. Последняя, как объективное явление, в наличие всегда, вне зависимости от правоотношений их стадий и пр.

Функциональное же предназначение преддоговорной ответственности (как следует из Концепции развития гражданского законодательства) сведено к тому, чтобы искоренить недобросовестность из гражданского оборота¹⁵.

Вместе с тем очевидно, что сама по себе недобросовестность для сферы имущественных отношений, если не безразлична, то как минимум мало интересна; она должна нести в себе вредные последствия, т.е. быть выражена ущербом. Отсюда вытекает второе «истинное» и вполне очевидное предназначение интересующего нас явления. Оставаясь ответственностью, свойственной лишь определенной группе гражданских отношений, преддоговорная ответственность не престаёт быть одним из способов защиты, пусть еще и до конца не осознанных гражданско-правовых возможностей.

Если соединить сущностную характеристику преддоговорной ответственности, ее «прикрепление» к договорной правосубъектности и главное предназначение — защита гражданских прав, становится еще более очевидно, что она не должна и не может работать вариативно, лишь в определенных случаях или на определенных стадиях. При любом преддоговорном нарушении, вследствие которого образовались вредные имущественные последствия на стороне иного лица, так или иначе связанного с конкретным преддоговорным отношением, последствия должны быть одинаковы. Средствами охранительной части гражданско-правового регулирования преддоговорные злоупотребления должны быть устранены, а имущественная сфера пострадавшей стороны восстановлена.

Однако ст. 434.1 ГК РФ в действующей ее редакции создает парадоксальное явление, при котором из ответственности как целостного явления извлекаются или усекаются способы воздействия до

⁹ Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 232.

¹⁰ Там же. С. 248–249.

¹¹ Агарков М.М. Указ. соч. С. 104.

¹² Алексеев С.С. Указ. соч. С. 95.

¹³ Родионова О.М. Указ. соч. С. 418.

¹⁴ Статья 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 12.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Пункт 7.7 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».

такой степени, что в остатке она остается какой-то бездейственной, функционирующей в объективном пространстве и лишь изредка «выходящей» из этого пространства.

Как поступать в тех ситуациях, когда стороны договорились провести деловую встречу, одна из сторон в процессе ее организации понесла определенные расходы, однако противоположная сторона не явилась? Анализируемое законоположение указывает, что для охранительной части гражданско-правового регулирования ситуация останется юридически безразличной, как и для потерпевшей стороны.

Далее, следуя логическому смыслу ст. 434.1 ГК РФ, имущественные потери в преддоговорном отношении могут иметь вид исключительно утраты возможности. Но не во всех случаях возможно применить указанный способ. Остаются неучтенными переговоры, которые ведутся исключительно между двумя сторонами, где цель заключения договора не связана с последующей реализацией предмета договора. Однако очевидно, что в подобном формате ведется как минимум множество переговоров, и до того очевидно, что Верховному Суду Российской Федерации приходится объяснять¹⁶, что параллельные переговоры злоупотреблением не являются. Тем временем судебная практика сталкивается именно с подобными ситуациями. При рассмотрении дела № А41-90214/16 ответчик ввиду ограниченности норм ст. 434.1 ГК РФ был наказан дважды: изначально за злоупотребление, которое создало препятствие заключить договор между ним и истцом, а затем за возможности истца к заключению договора последующего, вследствие чего преддоговорная ответственность переросла в ответственность за нарушение при расторжении договора и в итоге переиграла само положение сторон.

Несмотря на все вышесказанное, а в какой-то части и в соответствии с этим «утрата возможности» и дифференцированный подход к размеру преддоговорной ответственности, думается, — решение правильное. Но только в том случае, если подобный прием способствует распространению справедливой преддоговорной ответственности. Думается, главное — не создать ситуации, при которой каждое вступление в переговоры для сторон будет создавать обстановку предельной осторожности. Исходя из описанных характеристик преддоговорного общественного отношения, такой подход не вреден.

Вместе с тем абсолютно в каждом случае, где есть злоупотребление, присутствует и необходимость возмещения реальных расходов, как средства универсального и в наибольшей степени справедливого, думается, что именно на это указывал А.В. Трояновский, исследовавший институт преддоговорной ответственности в зарубежных правовых системах. Автор указывал, что различные правовые системы по-разному определяют формы ответственности на преддоговорной стадии, признавая общую обязанность преддоговорной добросовестности¹⁷.

¹⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2020 г. по делу № 305-ЭС19-19395 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Трояновский А.В. Развитие института преддоговорной ответственности в гражданском и общем праве // Юрист. 2017. № 14. С. 20–25.

Литература

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 томах. Т. 2 / М.М. Агарков. Москва : Центр ЮрИнфоР, 2012. 451 с.
2. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Бек, 1995. 311 с.
3. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 368 с.
4. Комарицкий В.С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / В.С. Комарицкий. Москва, 2016. 205 с.
5. Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования : диссертация доктора юридических наук / О.М. Родионова. Москва, 2017. 502 с.
6. Советское гражданское право. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь, А.И. Пергамент, В.А. Дозорцев [и др.] ; под редакцией С.Н. Братуся. Москва : Юридическая литература, 1984. 288 с.
7. Трояновский А.В. Развитие института преддоговорной ответственности в гражданском и общем праве / А.В. Трояновский // Юрист. 2017. № 14. С. 20–25.

References

1. Agarkov M.M. Izbranny'e trudy` po grazhdanskomu pravu. V 2 tomakh. T. 2 [Selected Works on Civil Law. In 2 volumes. Vol. 2] / M.M. Agarkov. Moskva : Sentr YurInfoR — Moscow : Center UrInfoR, 2012. 451 s.
2. Alekseev S.S. Teoriya prava. 2-e izd., pererab. i dop. [Law Theory. 2nd edition, revised and enlarged] / S.S. Alekseev. Moskva : Bek — Moscow : Beck, 1995. 311 s.
3. Bratus S.N. Subyekty` grazhdanskogo prava [Civil Law Subjects] / S.N. Bratus. Moskva : Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury` — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1950. 368 s.
4. Komaritsky V.S. Pravovoe regulirovanie preddogovornoy otvetstvennosti po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Legal Regulation of the Pre-Contractual Liability under the Laws of the Russian Federation : thesis of PhD (Law)] / V.S. Komaritsky. Moskva — Moscow, 2016. 205 s.
5. Rodionova O.M. Pravovy'e formy` realizatsii voley`kh otnosheniy v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Legal Forms of the Implementation of Volitional Relations in the Civil Law Regulation Mechanism : thesis of LL.D.] / O.M. Rodionova. Moskva — Moscow, 2017. 502 s.
6. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Subyekty` grazhdanskogo prava ; pod redaksiyey S.N. Bratusya [Soviet Civil Law. Civil Law Subjects ; edited by S.N. Bratus] / S.N. Bratus, A.I. Pergament, V.A. Dozortsev [i dr.]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1984. 288 s.
7. Troyanovsky A.V. Razvitie instituta preddogovornoy otvetstvennosti v grazhdanskom i obshchem prave [The Development of the Institution of Pre-Contractual Liability in Civil and General Law] / A.V. Troyanovsky // Yurist — Lawyer. 2017. № 14. S. 20–25.

Право приоритета товарного знака

Теория и практика

Юзефович Жанна Юрьевна

доцент кафедры гражданского права и процесс
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
zhannayuzefovich@yandex.r

Руженцева Марина Сергеевна

ведущий государственный эксперт по интеллектуальной собственности
Федерального института промышленной собственности
ruzhentsevamarina@rambler.r

Вопросы правовой охраны и защиты прав на товарные знаки следует признать весьма актуальными ввиду проистекающих процессов по гармонизации норм, регулирующих отношения в данной сфере.

Как известно, в мировой практике правовой охране подлежит товарный знак в связи с его регистрацией либо использованием. Первый подход более характерен для стран романо-германской правовой системы, второй — для стран англосаксонской системы.

Одним из основополагающих принципов Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1893 г.¹ (далее — Парижская конвенция) является принцип национального режима. Вместе с тем именно этот документ обязывает страны — участницы соглашения осуществлять процедуру регистрации товарных знаков. Внесение товарного знака в национальный реестр является мерой, направленной на подтверждение статуса товарного знака как охраняемого и, следовательно, на обеспечение должной защиты прав правообладателя такого товарного знака.

Важной характеристикой, отраженной в реестрах товарных знаков большинства стран, является дата приоритета.

Под приоритетом понимается преимущественное право, значение, положение². В юридическом смысле значение приоритета товарного знака крайне важно, поскольку дата приоритета является базисом для формирования требования правообладателя о защите его права на товарный знак.

Существо понятия приоритета по отношению к регистрируемым объектам интеллектуальных прав, в частности товарным знакам, сводится к первенству подачи заявки в патентное ведомство. Следовательно, можно говорить о праве приоритета, которое составляет право заявителя (впоследствии правообладателя) как субъекта правоотношений по поводу регистрации товарного знака.

В свою очередь, поскольку приоритет используется в случае противопоставления иных заявок, то важным его признаком следует назвать также то, что на основе даты приоритета решается вопрос о соот-

ветствии товарного знака критериям охраноспособности. Следовательно, приоритет неразрывно связан с объектом охраны, по отношению к которому он применяется.

Действительно, теоретическое толкование приоритета характеризуется некоторой двойственностью. С одной стороны, приоритет как первенство является правом правообладателя в отношении этого товарного знака, с другой стороны, именно дата приоритета в отношении конкретного товарного знака является юридически значимой по отношению к самому товарному знаку, вне зависимости от его последующей судьбы, в том числе отчуждения права на него.

Так, Н.С. Михайлова, исследовав труды цивилистов по данному вопросу, приходит к заключению о том, что «приоритет рассматривается как факт, порождающий право определенного лица зарегистрировать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации и приобрести исключительное право на данные объекты. В случае конкуренции средств индивидуализации и охраняемых результатов интеллектуальной деятельности приоритет является фактом, порождающим право обладателя „старшего“ исключительного права на защиту»³.

Таким образом, право приоритета на товарный знак представляет собой фундамент правовой охраны этого товарного знака, включая субъективное право его правообладателя на защиту.

Согласно ст. 4А (2) Парижской конвенции основанием для возникновения права приоритета признается всякая подача заявки, имеющая силу правильно оформленной национальной подачи заявки.

Несмотря на привязку возникновения даты приоритета к факту подачи правильно оформленной заявки, указание ст. 1481 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) о том, что свидетельство на товарный знак удостоверяет приоритет товарного знака, показывает, что именно государство через властное решение компетентного органа определяет право приоритета. Подтверждение данному умозаключению содержится в ст. 1494–1496, 1499 ГК РФ, согласно которым приоритет устанавливается федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности в ходе экспертизы обозначения, заявленного в качестве товарного знака.

¹ Конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 20.03.1883). URL: www.rupto.ru (дата обращения: 13.10.2021).

² Юридическая энциклопедия, 2015 г. URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8917/ПРИОРИТЕТ (дата обращения: 13.10.2021).

³ Михайлова Н.С. Приоритет в сфере интеллектуальных прав // *Ex iure*. 2019. № 3. С. 79.

Общее правило состоит в том, что приоритет товарного знака устанавливается по дате подачи заявки на товарный знак (п. 1 ст. 1494 ГК РФ). Однако существуют и другие виды испрашиваемого заявителем приоритета: конвенционный приоритет; выставочный приоритет; приоритет выделенной заявки (по дате приоритета товарного знака по первоначальной заявке, из которой данная заявка выделена); приоритет по дате международной регистрации товарного знака; приоритет по дате территориального расширения международной регистрации товарного знака. Кроме того, можно отметить иные приоритеты, в том числе множественный и/или частичный приоритет.

Законодатель достаточно подробно освещает вопрос установления приоритета товарных знаков. Вместе с тем существующая практика показывает ряд сложностей и противоречий, связанных с установлением даты приоритета.

Так, право на выставочный приоритет не может считаться подтвержденным лишь сведениями об экспонировании на выставке обозначения как такового (например, на стендах). Документ, подтверждающий правомерность испрашивания выставочного приоритета, должен соответствовать положениям подп. 2 п. 30 Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их формы (далее — Требования ТЗ). Несоответствие представленного документа о приоритете в рамках экспертизы заявки № 2016738367 явилось основанием для отказа в установлении выставочного приоритета, и такой отказ был подтвержден при рассмотрении в административном порядке возражения заявителя (*Решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 28.04.2018, принятое по результатам рассмотрения возражения на решение о государственной регистрации товарного знака по заявке № 2016738367*)⁴.

Очевидно, что при таких требованиях право выставочного приоритета устанавливается по отношению к весьма узкому перечню товаров, что не отвечает действительным интересам предпринимателей и порождает частичный (или множественный) приоритет, если заявка подается в отношении более широкого перечня товаров. Вопрос о том, может ли товарный знак иметь несколько приоритетов в отношении разных товаров, не раскрыт ни в законе, ни в актах толкования. Представляется, что препятствий к этому не имеется.

Право на конвенционный приоритет являет собой важнейшее преимущество, которое предоставляется заявителем из стран — участниц Парижской конвенции. Если регистрация товарного знака произведена с конвенционным приоритетом, то дата такого приоритета указывается в свидетельстве на товарный знак, и она может быть более ранней относительно даты подачи заявки на значительный срок — до шести месяцев. При экспертизе заявки на товарный знак выявленные препятствия для регистрации не будут учитываться, если они относятся к более поздней дате.

Вместе с тем исчисление срока действия правовой охраны товарного знака осуществляется согласно п. 1 ст. 1491 ГК РФ с даты подачи заявки. Иными

словами, право конвенционного и выставочного приоритета устанавливает первенство, но не влияет на срок исключительного права. Тем не менее ряд исследователей на основе анализа правоприменительной практики указывают на то, что «дата приоритета может считаться датой начала действия права на объект интеллектуальной собственности (не включая авторские и смежные права) до тех пор, пока не будет доказано наличие более ранней даты возникновения идентичного права на аналогичный объект иного правообладателя»⁵.

Поскольку прямое указание нормы связывает начало исчисления срока с датой подачи заявки, а не с датой приоритета товарного знака, то вопрос о том, предоставляется ли правовая охрана товарному знаку в период между датой конвенционного или выставочного приоритета и датой подачи заявки в национальное патентное ведомство, следует считать открытым.

Нужно отметить, что приоритет выделенной заявки иным образом реализует преимущества первой даты, что следует из положений ст. 1491 ГК РФ. При этом п. 2 ст. 1494 ГК РФ определяет зависимость приоритета товарного знака по новой заявке (поданной заявителем на основе ранней заявки того же заявителя на то же обозначение) от приоритета по первоначальной заявке. В таком случае срок действия исключительного права на товарный знак устанавливается по дате подачи первоначальной заявки (п. 1 ст. 1491 ГК РФ).

Таким образом, если заявитель инициирует выделение заявки, то товарный знак по новой заявке получает дату приоритета по дате подачи первоначальной заявки, которая, в свою очередь, является началом отсчета срока правовой охраны товарного знака. В случае если в отношении товарного знака по первоначальной заявке был установлен конвенционный или выставочный приоритет, то новая заявка сохраняет эту дату приоритета, но срок охраны, согласно положениям закона, будет исчисляться с даты подачи первоначальной заявки.

Отсутствие законодательного признания исключительного права на товарный знак в период между датой конвенционного или выставочного приоритета и датой подачи заявки вызывает ряд проблем в случаях, когда правонарушение относится именно к данному периоду.

Не менее сложной следует признать ситуацию с приоритетом, устанавливаемым в отношении заявки, поданной в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Так, предоставление правовой охраны товарным знакам в России осуществляется в том числе на основании *Мадридской системы регистрации знаков*, которая реализуется с помощью норм Мадридского соглашения о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г. (далее — Мадридское соглашение) и Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков от 28 июня 1989 г.

Следует помнить, что «для оказания воздействия на отношения внутри каждого государства нормы международного права должны получить „национальное признание“»⁶. В отношении приоритета

⁴ Сайт ФИПС. URL: https://www.fips.ru/pps/28_04_18/28042018.htm (дата обращения: 13.10.2021).

⁵ Рыбкина К.В. Соотношение права приоритета объектов интеллектуальной собственности с иными правами // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. № 32. С. 176.

⁶ Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 493.

по заявкам, поданным в соответствии с Мадридской системой регистрации знаков, такое признание содержится в п. 4 ст. 1495 ГК РФ.

Однако из положений п. 4 ст. 1495 ГК РФ следует, что приоритет товарного знака может устанавливаться по дате международной регистрации товарного знака в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Дата международной регистрации товарного знака представляет собой дату регистрации этого знака *Международным бюро Всемирной организации по интеллектуальной собственности*. Эта дата, в свою очередь, соответствует дате подачи заявки на международную регистрацию знака в стране происхождения при условии, что Международное бюро получит заявку в течение двух месяцев, считая с даты этой подачи (ст. 4 (3) Мадридского соглашения).

Вместе с тем нельзя не учитывать, что с помощью Мадридской системы регистрации знаков заявители подают заявки на регистрацию товарных знаков также и с указанием конвенционного, выставочного приоритетов либо с требованием о территориальном расширении правовой охраны. Указание на то, что приоритет в отношении товарных знаков может устанавливаться по таким основаниям в соответствии с международными договорами Российской Федерации, в ГК РФ или актах толкования отсутствует.

Приоритет товарного знака, зарегистрированного в рамках Мадридской системы регистрации знаков, определяется на основании норм Мадридского соглашения, Протокола к нему.

В соответствии со ст. 3тег Мадридского соглашения Международное бюро незамедлительно регистрирует заявление о территориальном расширении и извещает о нем заинтересованные ведомства. Таким образом, дата территориального расширения может трактоваться как дата подачи заявки в национальное ведомство. При этом право приоритета по дате международной регистрации утрачивается, если требование о территориальном расширении заявлено после международной регистрации.

Практическое значение дата приоритета приобретает в спорах. Например, в споре относительно пропуска срока подачи возражения против предоставления на территории Российской Федерации правовой охраны знаку, зарегистрированному в соответствии с Мадридским соглашением, Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) указал на соблюдение исполнительным органом срока направления предварительного решения об отказе в предоставлении правовой охраны международному товарному знаку № 2R 141885, поскольку такой срок исчисляется с даты территориального расширения (*Постановление Президиума ВАС РФ от 09.08.2011 № 9861/10*⁷). Как следствие, было принято во внимание окончательное решение ведомства и дата его публикации, имеющая те же юридические последствия, что и дата публикации сведений о государственной регистрации товарного знака в официальном бюллетене в соответствии со ст. 1506 ГК РФ.

Следует также осветить разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Феде-

рации от 23 апреля 2019 г. № 10⁸ (далее — Постановление Верховного Суда РФ № 10), согласно п. 27 которого основания для признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку определяются исходя из законодательства, действовавшего на дату подачи заявки на товарный знак. Иными словами, дата подачи заявки используется для определения материальных норм, подлежащих применению к вопросу охраноспособности товарных знаков. И такое указание справедливо, если дата подачи заявки и дата приоритета совпадают. Однако, как следует из вышесказанного, это имеет место далеко не всегда.

Достаточно вспомнить указание ст. 13.1 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», поясняющей, что требования к охраноспособности ряда товарных знаков применяются исходя из законодательства Российской Федерации, действовавшего на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов.

Другим исключением являются упомянутые ранее товарные знаки, зарегистрированные на основании Мадридского соглашения, Протокола к нему. Постановление Верховного Суда РФ № 10 разъясняет, что основания для признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку по международной регистрации определяются исходя из законодательства, действовавшего на дату поступления соответствующей международной заявки в Роспатент, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Подводя итог, следует заметить, что в законе и иных актах отражено толкование приоритета в узком смысле: как первенство относительно иных заявок или прав иных лиц. В то же время Парижская конвенция, провозглашая преимущества, связанные с экспонированием продуктов, маркированных товарными знаками (ст. 11), относит их к временной охране, а не простому факту установления первенства. Включение в широкое понимание приоритета субъективного права правообладателя товарного знака на защиту от нарушения принадлежащего ему права позволяет обнаружить не только иное толкование права приоритета, но и иные юридические последствия такого толкования, затрагивающие интересы неограниченного круга лиц.

Как отмечено Н.Д. Эриашвили, «законодательство Российской Федерации не систематизировано и основывается на разных доктринах»⁹, в связи с чем важным представляется определение направления развития норм об интеллектуальных правах в целом и товарных знаках в частности.

Необходимым представляется решение обозначенных коллизий в оценке понятия приоритета товарного знака. Вышеизложенный анализ свидетельствует о наличии коллизий при применении

⁷ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 марта 2011 г. № 9861/10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 6. С. 204–209.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7. С. 2–47.

⁹ Эриашвили Н.Д. Об охране результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации (историко-правовой аспект) // Международный журнал гражданского и торгового права. 2021. № 1. С. 61.

норм о приоритете, что означает необходимость корректировки положений актов толкования. На сегодняшний день таким актом является Постановление Верховного Суда РФ № 10.

Согласно абз. 1 и 2 п. 27 Постановления Верховного Суда РФ № 10 «при оспаривании решений Роспатента <...> суды должны учитывать: <...> заявки на товарный знак <...> подлежат рассмотрению в порядке, установленном законодательством, действовавшим на дату подачи заявки, а международные заявки на <...> товарный знак <...> — на дату поступления заявки в Роспатент.

По возражениям против <...> предоставления правовой охраны товарному знаку <...> основания для признания недействительным <...> предоставления правовой охраны товарному знаку <...> определяются исходя из законодательства, действовавшего на дату подачи заявки в Роспатент <...>. Основания для <...> признания недействительным предоставления правовой охраны <...> товарному знаку по международной регистрации определяются исходя из законодательства, действовавшего на дату поступления соответствующей международной <...> заявки в Роспатент, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации».

Вместе с тем ни дата подачи, ни дата поступления международной заявки на товарный знак в Роспатент не является юридически значимой согласно положениям гражданского законодательства и норм международных договоров, касающихся Мадридской системы регистрации знаков. Иностранцы заявители обращаются с международной заявкой в свое национальное ведомство, не подавая заявку непосредственно в Роспатент. Подача международной заявки в Роспатент, по сути, является результатом передачи Международным бюро для рассмотрения Роспатентом уже поданной заявки.

Таким образом, п. 27 Постановления Верховного Суда РФ № 10 требует изменения в части даты, на которую определяется подлежащее применению законодательство в спорах об охраноспособности товарных знаков по международным заявкам.

Следовательно, указание абз. 1 п. 27 Постановления Верховного Суда РФ № 10 «на дату поступления заявки в Роспатент» целесообразно отредактировать следующим образом: «на дату, являющуюся основанием для установления приоритета на территории Российской Федерации» либо «на дату международной регистрации товарного знака». Аналогично указание абз. 2 «исходя из законодательства, действовавшего на дату поступления соответствующей международной <...> заявки в Роспатент» заменить следующим образом: «исходя из законодательства, действовавшего на дату международной регистрации товарного знака» или «исходя из законодательства, действовавшего на дату, являющуюся основанием для установления приоритета на территории Российской Федерации».

Относительно необходимости обоснованного изменения норм закона, касающихся приоритета товарных знаков, следует обратить внимание на то, что Парижская конвенция не ставит право приоритета в зависимость от судьбы товарного знака¹⁰. Возмож-

ность неоднозначного толкования права приоритета может привести как к ущемлению прав правообладателя, так и к необоснованному расширению прав этого лица по сравнению с объемом прав, предоставляемых другим правообладателям. Следовательно, любые изменения в части приоритета товарного знака должны соблюсти баланс прав участников соответствующих правоотношений.

Литература

1. Боденхаузен Г.Х.Х. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий / Г.Х.Х. Боденхаузен ; перевод с французского Н.Л. Тумановой ; под редакцией М.М. Богуславского ; вступительная статья Е.П. Питовранова. Москва : Прогресс, 1977. 310 с.
2. Михайлова Н.С. Приоритет в сфере интеллектуальных прав / Н.С. Михайлова // *Ex jure*. 2019. № 3. С. 70–80.
3. Рыбкина К.В. Соотношение права приоритета объектов интеллектуальной собственности с иными правами / К.В. Рыбкина // *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. 2016. № 32. С. 171–176.
4. Теория государства и права: учебник / под редакцией А.А. Клишаса. Москва : Статут, 2019. 512 с.
5. Эриашвили Н.Д. Об охране результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации (историко-правовой аспект) / Н.Д. Эриашвили // *Международный журнал гражданского и торгового права*. 2021. № 1. С. 59–61.

References

1. Bodenhausen G.H.C. Parizhskaya konventsiya po okhrane promyshlennoy sobstvennosti. Kommentariy i perevod s frantsuzskogo N.L. Tumanovoy ; pod redaktsey M.M. Boguslavskogo ; vstupitel'naya statya E.P. Pitovranova [Guide to the Application of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property ; translated from French by N.L. Tumanova ; edited by M.M. Boguslavsky ; introductory article by E.P. Pitovranov] / G.H.C. Bodenhausen. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1977. 310 s.
2. Mikhaylova N.S. Prioritet v sfere intellektualny'kh prav [Priority in Intellectual Rights] / N.S. Mikhaylova // *Ex jure — Ex Jure*. 2019. № 3. S. 70–80.
3. Rybkina K.V. Sootnoshenie prava prioriteta obyektov intellektualnoy sobstvennosti s inymi pravami [The Correlation between the Priority Right of Intellectual Property Items and Other Rights] / K.V. Rybkina // *Intellektualny'y potentsial XXI veka: stupeni poznaniya — Intellectual Potential of the 21st Century: Cognition Steps*. 2016. № 32. S. 171–176.
4. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik ; pod redaktsey A.A. Klishasa [Theory of State and Law ; textbook ; edited by A.A. Klishas]. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2019. 512 s.
5. Eriashvili N.D. Ob okhrane rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii (istoriko-pravovoy aspekt) [On the Protection of Intellectual Property in the Russian Federation (a Historical Legal Aspect)] / N.D. Eriashvili // *Mezhdunarodny'y zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava — International Journal of Civil and Trade Law*. 2021. № 1. S. 59–61.

¹⁰ Боденхаузен Г.Х.Х. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий / пер. с фр. Н.Л. Тумановой ; под ред. М.М. Богуславского ; вступ. ст. Е.П. Питовранова. М. : Прогресс, 1977. С. 54–55.

Харитоновна Юлия Сергеевна, Сунь Ци

Цифровизация общественных отношений и верховенство закона: опыт переосмысления в России и Китае

В условиях цифровизации общественных отношений, государственного управления и бизнеса перед юристами встает вопрос выработки адекватных правовых режимов. При этом эффективность норм, закрепленных в законах, не всегда очевидна на практике. Как и Россия, Китай активно ищет возможности для создания механизмов регулирования растущей и постоянно находящейся в движении сферы цифровых технологий. Принцип верховенства закона обладает двойственностью. Формально верховенство закона требует признания наивысшей юридической силы за актами, исходящими от законодателя, наделенного функциями органа государственной власти. Однако в условиях перманентного и значимого развития технологий и проникновения их в общественные отношения во многих государствах все заметнее выделение таких способов формирования правил поведения участников цифровых отношений, при которых нормативным характером наделяются и частные структуры.

Ключевые слова: верховенство права, цифровое право, мягкое право, цифровизация отношений.

Yulia S. Kharitonova, Professor of the Department of Entrepreneurial Law of the Lomonosov Moscow State University, Head of the Research and Educational Center "Center for Legal Studies of Artificial Intelligence and Digital Economy", LL.D., Professor

Sun Qi, Secretary General of the Regional Research Center for Economic Integration and Supremacy of Law of the Shanghai Academy of Social Sciences, Research Scientist, PhD (Law)

Digitalization of Public Relations and Supremacy of Law: Reinterpretation Experience in Russia and China

With the digitalization of social relations, public administration, and business, lawyers are faced with the issue of developing adequate legal regimes. At the same time, the effectiveness of the norms enshrined in the laws is not always apparent in practice. Like Russia, China is actively looking for opportunities to regulate the growing and constantly in motion digital technology sphere. The rule of law is ambiguous. Formally, the rule of law requires recognizing the highest legal force for the acts emanating from the legislator with the functions of a public authority. However, with the permanent and significant development of technology and its penetration into social relations in many states, the allocation of such ways of forming rules of behavior of participants in digital relations, in which private structures are also endowed with a normative nature, is increasingly visible.

Keywords: the rule of law, digital law, soft law, digitalization of relations.

Минбалеев Алексей Владимирович

Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан

В статье автором рассматриваются основные проблемы нарушения личных неимущественных прав граждан в процессе цифрового профилирования. Автор исследует проблемы социального кредитования (рейтингования) граждан в процессе использования цифрового профиля, анализирует практику Китая и развитие китайского гражданского законодательства в части защиты личных прав граждан в процессе социального кредитования.

Делается вывод, что развитие системы цифрового профилирования и социального рейтингования в России неизбежно подтолкнет к необходимости защиты прав граждан в части получения информации о том, как происходит сбор и оценка его цифрового профиля, как происходит формирование его рейтинга в рамках цифрового профиля, какие технологии и средства использовались в этом процессе. Важно обеспечить защиту прав пользователей сети Интернет, социальных сетей, различных цифровых платформ при создании различных рейтингов и оценок, не допускать ограничения гражданской правоспособности, если оно осуществляется на основе решения, принятого автоматизированным образом, и гражданину не было предоставлено всей необходимой информации для определения возможности решить, стоило ли ему вступать в соответствующие цифровые отношения. Однозначно должна предусматриваться гражданско-правовая защита прав граждан при осуществлении сбора, оценки и использования его данных в рамках цифрового профилирования, функционирующего на основе использования систем искусственного интеллекта на базе дискриминационных алгоритмов по тому или иному социальному критерию.

Ключевые слова: граждане, личные неимущественные права, правовая охрана гражданских прав, социальный скоринг, цифровой аватар, цифровой профиль.

Aleksey V. Minbaleev, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Expert of the Russian Academy of Sciences, LL.D., Associate Professor

Problems of the Civil Law Protection of Personal Non-Property Rights in the Process of the Digital Profiling of Citizens

In the article, the author examines the main problems of violation of personal non-property rights of citizens in the process of digital profiling. The author explores the problems of social crediting (rating) of citizens in the process of using a digital profile, analyzes the practice of China and the development of Chinese civil legislation in terms of protecting the personal rights of citizens in the process of social crediting.

It is concluded that the development of a system of digital profiling and social rating in Russia will inevitably prompt the need to protect the rights of citizens in terms of obtaining information about how their digital profile is collected and evaluated; how their rating is formed within the digital profile; what technologies and tools were used in this process. It is important to ensure the protection of the rights of users of the Internet, social networks, and various digital platforms when creating various ratings and ratings; to prevent the restriction of civil legal capacity if it is carried out on the basis of a decision taken in an automated manner and the citizen has not been provided with all the necessary information to determine whether it was worth it to enter into the appropriate digital relationship. Clearly, civil protection of citizens' rights should be provided for when collecting, evaluating and using their data within the framework of digital profiling, functioning on the basis of the use of artificial intelligence systems based on discriminatory algorithms for a particular social criterion.

Keywords: citizens, personal non-property rights, legal protection of civil rights, social scoring, digital avatar, digital profile.

Сушкова Ольга Викторовна

Правовые средства оборота объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта

Устойчивые инновации в области искусственного интеллекта (далее — ИИ) и робототехники предлагают обещанные возможности компьютерного сознания, разумности и рациональности. В доктрине, как и в правоприменительной практике, нет четко разработанной концептуальной системы гражданско-правовых средств, которые бы обеспечивали оборот инноваций не только в науке, но в ключевых институтах предпринимательского права. На практическом уровне выполнение обязанностей путем использования ИИ и роботами может стать выгодным для реализации установленных обязанностей человеческого общества, поскольку, понимая ИИ как гражданско-правовое средство, многие процессы общества могут быть автоматизированы, упрощены, исключены влияния третьих лиц и внешних экономических факторов.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, инновации, технологии искусственного интеллекта, объект гражданского оборота, результаты интеллектуальной деятельности.

Olga V. Sushkova, Associate Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), Associate Professor

Legal Means of Circulation of Objects Created with the Use of Artificial Intelligence Technologies

Sustainable innovations in artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) and robotics offer the promised capabilities of computer consciousness, intelligence and rationality. In the doctrine and in law enforcement practice, there is no clearly developed conceptual system of civil law means that would ensure the circulation of innovations not only in science, but in the key institutions of business law. On a practical level, fulfilling responsibilities through the use of AI and robots can become beneficial for the implementation of the established responsibilities of human society, since, understanding AI as a civil law tool, many processes of society can be automated, simplified, and the influence of third parties and external economic factors can be excluded.

Keywords: entrepreneurial activity, innovations, artificial intelligence technologies, object of civil turnover, results of intellectual activity.

Карцхия Александр Амиранович

Корпоративное управление в условиях глобальных изменений климата

В статье содержится анализ современных международных соглашений и национального законодательства в сфере изменений климата для определения закономерностей формирования и выявления особенностей этой области правового регулирования. Используя системный и сравнительно-правовой методы исследования, автор приходит к выводу о том, что под влиянием глобальных мегатрендов, связанных с изменениями окружающего мира, трансформацией экономики и технологического развития в условиях борьбы с мировой пандемией, климатическая повестка вышла на первый план в международных отношениях и сопровождается активной законотворческой деятельностью во многих странах мира. Создаваемое новое законодательство и новые модели управления стимулируют внедрение низкоуглеродных технологий и снижение выбросов парниковых газов, разработку технологий на основе возобновляемых источников энергии. Под влиянием объективных факторов идет процесс формирования системы международных актов и национального законодательства в области глобальной защиты климата планеты и регулирования негативного воздействия антропогенных — климатического права.

Ключевые слова: климатическая повестка, климатическое право, корпоративное управление, низкоуглеродная экономика, энергетическое право, зеленая экономика.

Aleksandr A. Kartskhiya, Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the National University of Oil and Gas Gubkin University, LL.D., Associate Professor

Corporate Management in Conditions of Global Climate Changes

The article contains an analysis of modern international agreements and national legislation of climate change to determine the patterns of formation and identify features of that legal regulation area. By systematic and comparative legal research method the author comes to the conclusion that under the global megatrends effect associated with

changes of the surrounding world, modern economy transformation and technological development in the fight against the global pandemic, the climate agenda has come to the fore in international relations and is accompanied by active legislative activity in many countries of the world. The new legislation is being created and new management models stimulate the introduction of low-carbon technologies and the reduction of greenhouse gas emissions, the development of technologies based on renewable energy sources. Under the objective factors impact, there is going a process of creation a new system of international acts and national legislation of the planet's climate global protection and regulation of the negative impact of anthropogenic — Climate law.

Keywords: climate agenda, climate law, corporate governance, low-carbon economy, energy law, green economy.

Маврина Юлия Федоровна

Неоплата доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как основание утраты статуса участника

В статье рассмотрены вопросы судебной практики, связанные с моментом перехода доли в уставном капитале к обществу в результате неоплаты ее участником, проанализированы правовые позиции по вопросу утраты участником своего статуса, обозначены проблемы и дискуссионные вопросы, связанные с практической реализацией законодательно установленных механизмов распоряжения долей, перешедших к обществу с ограниченной ответственностью. Систематизированы основания и условия сохранения статуса участника ООО, подходы государственных органов и судов к проблеме фиксации утраты участником ООО своего статуса, предложены механизмы защиты прав и законных интересов участников корпоративных правоотношений.

Ключевые слова: неоплата доли в уставном капитале, юридические факты, бездействие, основания прекращения участия в корпорации, переход доли.

Yulia F. Mavrina, Postgraduate Student of the Department of Entrepreneurial, Labor and Corporate Law of the Law Faculty of M.M. Speranskiy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Non-Payment of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company as a Ground for Forfeiture of the Member Status

The article examines the issues of judicial practice related to the moment of transfer of a share in the authorized capital to the company as a result of non-payment by its participant, analyzes the legal positions on the issue of loss of the participant's status, identifies problems and controversial issues related to the practical implementation of legally established mechanisms for the disposal of shares transferred to a Limited Liability Company. The article systematizes the grounds and conditions for maintaining the status of an LLC participant, approaches of state bodies and courts to the problem of fixing the loss of the LLC participant's status, and suggests mechanisms for protecting the rights and legitimate interests of participants in corporate legal relations.

Keywords: non-payment of a share in the authorized capital, legal facts, inaction, grounds for termination of participation in the corporation, transfer of a share.

Челышева Наталия Юрьевна

Проблема правовой неопределенности в случаях применения реквизиции в целях ликвидации очагов распространения инфекционных заболеваний

В статье дан подробный анализ правовой природы реквизиции как одной из форм принудительного выкупа имущества у собственника по решению органов государственной власти. Рассмотрены юридические факты, составляющие процедуру реквизиции, и факторы, влияющие на размер выплачиваемой собственнику денежной компенсации. Приведены положения цивилистической доктрины об особенностях принудительного изъятия имущества у собственника в различные исторические периоды развития гражданского права в России. Основное содержание текста составляет разбор позиций Конституционного Суда России и иных судебных органов в части соотношения норм о недопустимости безвозмездного принудительного прекращения права собственности и норм об ответственности собственника в части несения бремени содержания своего имущества, а также недопустимости использования имущества в целях причинения вреда жизни и здоровью окружающих. По мнению автора, нормы ГК РФ о принудительном прекращении права собственности не содержат оснований для отказа в выплате собственнику компенсации стоимости изымаемого имущества даже в случаях, если изъятие спровоцировано поведением самого собственника. В заключение автором рассмотрены перспективы возможных изменений в законодательстве о принудительном изъятии имущества у собственника в целях предотвращения распространения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: реквизиция, принудительный выкуп, стоимость имущества, предпринимательский риск, бремя содержания имущества, вина потерпевшего.

Natalia Yu. Chelysheva, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Ural Institute of Management (Branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD (Law), Associate Professor

The Legal Uncertainty Problem in Cases of Requisition Aimed at Liquidation of Infectious Disease Distribution Hotspots

The article provides a detailed analysis of the legal nature of requisition as one of the forms of forced redemption of property from the owner by decision of state authorities. Legal facts constituting the requisition procedure and

factors influencing the amount of monetary compensation paid to the owner are considered. The provisions of the civilistic doctrine on the peculiarities of the forced seizure of property from the owner in various historical periods of the development of civil law in Russia are given. The main content of the text is a review of the positions of the Constitutional Court of Russia and other judicial bodies in terms of the relationship between the norms on the inadmissibility of free forced termination of property rights and the norms on the liability of the owner in terms of bearing the burden of maintaining his property, as well as the inadmissibility of using property to harm the life and health of others. According to the author, the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the forced termination of ownership do not contain grounds for refusing to pay the owner compensation for the value of the seized property, even if the seizure was provoked by the behavior of the owner himself. In conclusion, the author considered the prospects for possible changes in the legislation on the forced seizure of property from the owner in order to prevent the spread and eliminate the consequences of emergency situations.

Keywords: requisition, compulsory redemption, value of property, business risk, burden of maintenance of property, fault of the victim.

Мотина Екатерина Александровна

Проблемы возмещения вреда при возникновении поствакцинальных осложнений

В условиях изменчивой, нестабильной эпидемиологической обстановки в России и в мире, сопровождающейся массовой вакцинацией, достаточно остро стоит вопрос об управлении рисками развития поствакцинальных осложнений, о предупреждении и борьбе с ними, о порядке и размерах компенсационных выплат, о лицах, которые вправе претендовать на их получение, о возмещении вреда, об установлении причинно-следственной связи между вакцинацией и возникшими повреждениями и др.

Автор обращает внимание на то, что далеко не каждое побочное проявление после иммунизации может рассматриваться как основание для предъявления требования о возмещении вреда здоровью. Таковыми являются только поствакцинальные осложнения, выражающиеся в тяжелых и (или) стойких нарушениях состояния здоровья. Делается вывод о том, что при возникновении поствакцинальных осложнений, обусловленных нарушением качества вакцины или ошибками при проведении иммунизации, решение вопроса об ответственности будет зависеть от соблюдения требований к качеству оказания медицинской помощи, оценку которого Закон об охране здоровья граждан связывает с соблюдением установленного порядка ее оказания, утвержденных стандартов и клинических рекомендаций. В тех случаях, когда поствакцинальные осложнения соответствуют статистически подтвержденным последствиям, вопрос о возмещении вреда должен решаться с позиции признания вакцины источником повышенной опасности при условии отсутствия фактов, свидетельствующих о существенном влиянии на развитие заболевания иных факторов.

Ключевые слова: вакцинация, поствакцинальные осложнения, возмещение вреда, источник повышенной опасности.

Ekaterina A. Motina, Senior Lecturer of the Department of Criminalistics of the Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Damage Compensation Problems in the Origination of Post-Vaccine Complications

In the conditions of a changeable, unstable epidemiological situation in Russia and in the world, accompanied by mass vaccination, the issue of managing the risks of post-vaccination complications, preventing and combating them, the procedure and amounts of compensation payments, persons who are entitled to receive them, compensation for harm, establishing a causal relationship between vaccination and the resulting injuries, etc. is quite acute.

The author draws attention to the fact that not every side effect after immunization can be considered as a basis for making a claim for compensation for harm to health. These are only post-vaccination complications, expressed in severe and (or) persistent health disorders. It is concluded that in the event of post-vaccination complications caused by a violation of the quality of the vaccine or errors during immunization, the decision on liability will depend on compliance with the requirements for the quality of medical care, the assessment of which the Law on the Protection of Citizens' Health associates with compliance with the established procedure for its provision, approved standards and clinical recommendations. In cases where post-vaccination complications correspond to statistically confirmed consequences, the issue of compensation for harm should be resolved from the position of recognizing the vaccine as a source of increased danger, provided there are no facts indicating a significant impact on the development of the disease of other factors.

Keywords: vaccination, post-vaccination complications, compensation for harm, source of increased danger.

Фомина Ольга Николаевна

Правовая природа ответственности информационного посредника

Одной из тенденций российского гражданского права выступает усиление ответственности в сфере Интернета. Именно эту цель преследовало введение понятия «информационный посредник». Важным вопросом для определения основания и пределов ответственности информационных посредников выступает понимание правовой природы и сущности такой ответственности.

Ключевые слова: информационный посредник, интеллектуальное право, Интернет, поисковые системы, новостные агрегаторы, администратор домена, владелец сайта.

Olga N. Fomina, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD (Law)

The Legal Nature of the Liability of an Information Intermediary

Additional responsibility of internet service provider is a tendency of modern Russian civil law. The legislation enlarges the list of information intermediaries and regulates the ground of their liability. To understand the ground of the liability of internet service provider it is important to comprehend the nature of such liability.

Keywords: information intermediary, intellectual property law, Internet, search engines, domain name registers, news aggregators, internet service provider.

Кадочников Евгений Владимирович

Преддоговорная ответственность через призму преддоговорного отношения

Как известно, преддоговорная ответственность является предметом регулярного научного обсуждения. При этом, как следует из анализа научной литературы, единого мнения о ее правовой природе на настоящий момент времени не достигнуто. Однако много ли дискуссий мы можем привести по поводу правовой природы преддоговорного правоотношения? Очевидно, что нет. Мы не сможем отыскать достаточно аргументированную позицию, «снимающую» вопрос о правовой природе преддоговорного отношения. Однако если вдуматься, то отношение первично ответственности, и, более того, последняя без первого существовать вряд ли может. Вышесказанное позволяет предположить, что детальный анализ существенных характеристик преддоговорного отношения (что и было предпринято в данной работе) может стать ключом к иным взглядам на правовую природу преддоговорной ответственности.

Ключевые слова: преддоговорное правоотношение, преддоговорная ответственность, правовая природа.

Evgeny V. Kadochnikov, Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy

Pre-Contractual Liability from the Standpoint of a Pre-Contractual Relation

It is known that pre-contractual liability is a subject of regular scientific discussion. At the same time, as follows from the analysis of scientific literature, a single opinion about its legal nature at the moment has not been reached. However, can we bring a lot of discussions about the legal nature of pre-contractual legal relations? Obviously not. We won't be able to find a sufficiently reasoned position that "removes" the question of the legal nature of the pre-contractual relationship. However, if we think about it, the relation is primary to the responsibility, and, moreover, the latter can hardly exist without the former. The above suggests that a detailed analysis of the essential characteristics of pre-contractual relation (which was undertaken in this paper) may be the key to other views on the legal nature of pre-contractual responsibility.

Keywords: pre-contractual legal relationship, pre-contractual responsibility, legal nature.

Юзефович Жанна Юрьевна, Руженцева Марина Сергеевна

Право приоритета товарного знака. Теория и практика

В статье исследуется существо права приоритета на товарный знак, раскрываются виды приоритетов и их особенности. Авторы анализируют нормативную и теоретическую базу, выделяют широкое и узкое толкование права приоритета на товарный знак. Авторы констатируют также двойственность подхода к квалификации права приоритета и в правоприменительной практике. В результате исследования предложена корректировка положений о приоритете на товарный знак, имеющих в актах толкования гражданского законодательства.

Ключевые слова: приоритет товарного знака, конвенционный приоритет, выставочный приоритет, приоритет выделенной заявки, множественный приоритет, частичный приоритет.

Zhanna Yu. Yuzefovich, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD (Law), Associate Professor

Marina S. Ruzhentseva, Leading State Intellectual Property Expert of the Federal Institute of Industrial Property

The Trademark Priority Right. The Theory and Practice

This Article investigates the concern of the trademark priority, reveals the types of trademark priorities and their features. The authors analyze the normative and theoretical basis, identify a broad and narrow interpretation of the trademark priority. The authors also state the duality of the approach to the qualification of the trademark priority in judicial practice. As a result of the study, the authors proposed changing the rules on the trademark priorities available in acts of interpretation of civil legislation.

Keywords: trademark priority, convention priority, exhibition priority, priority of the allocated application, multiple priority, partial priority.